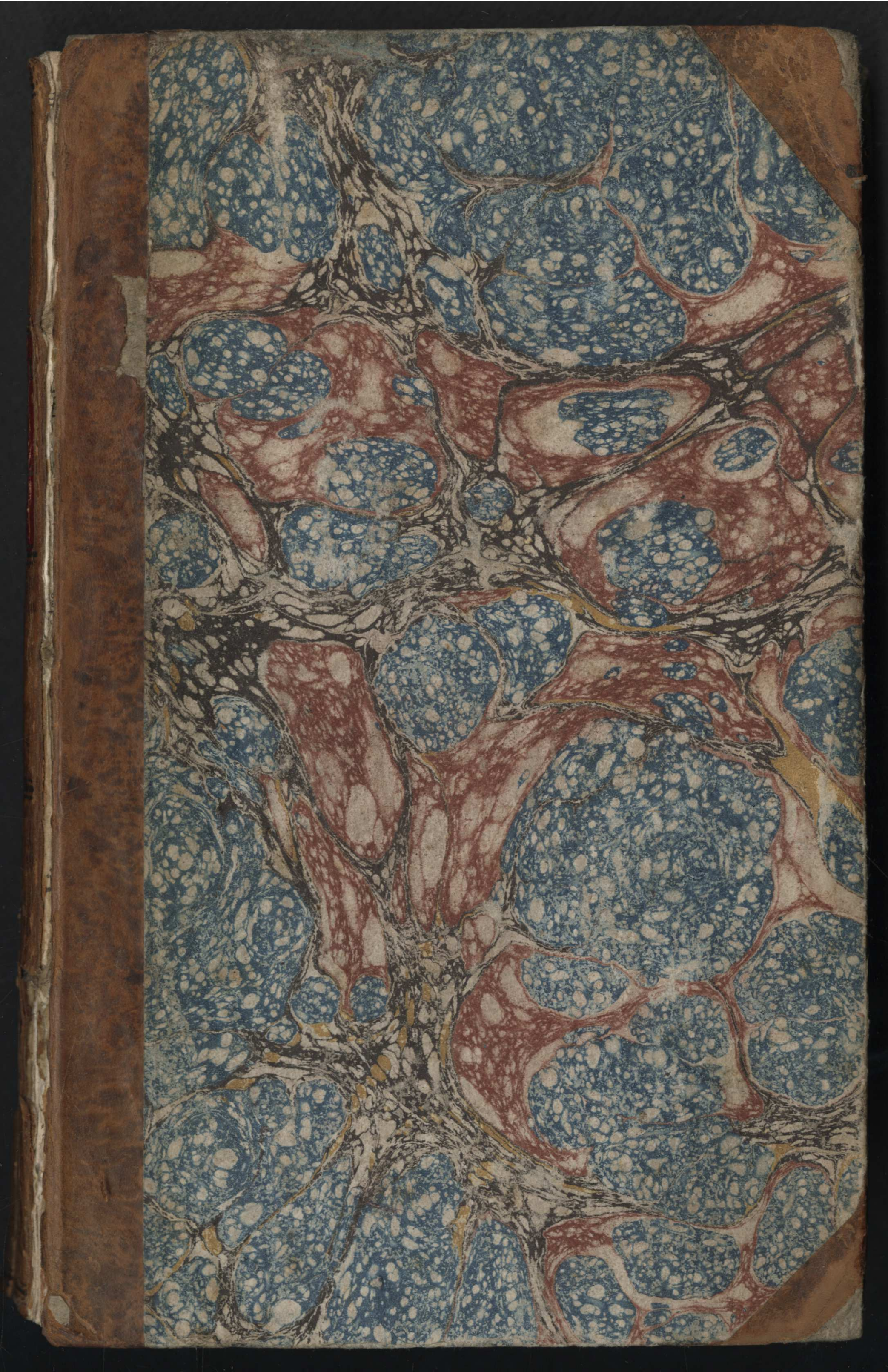
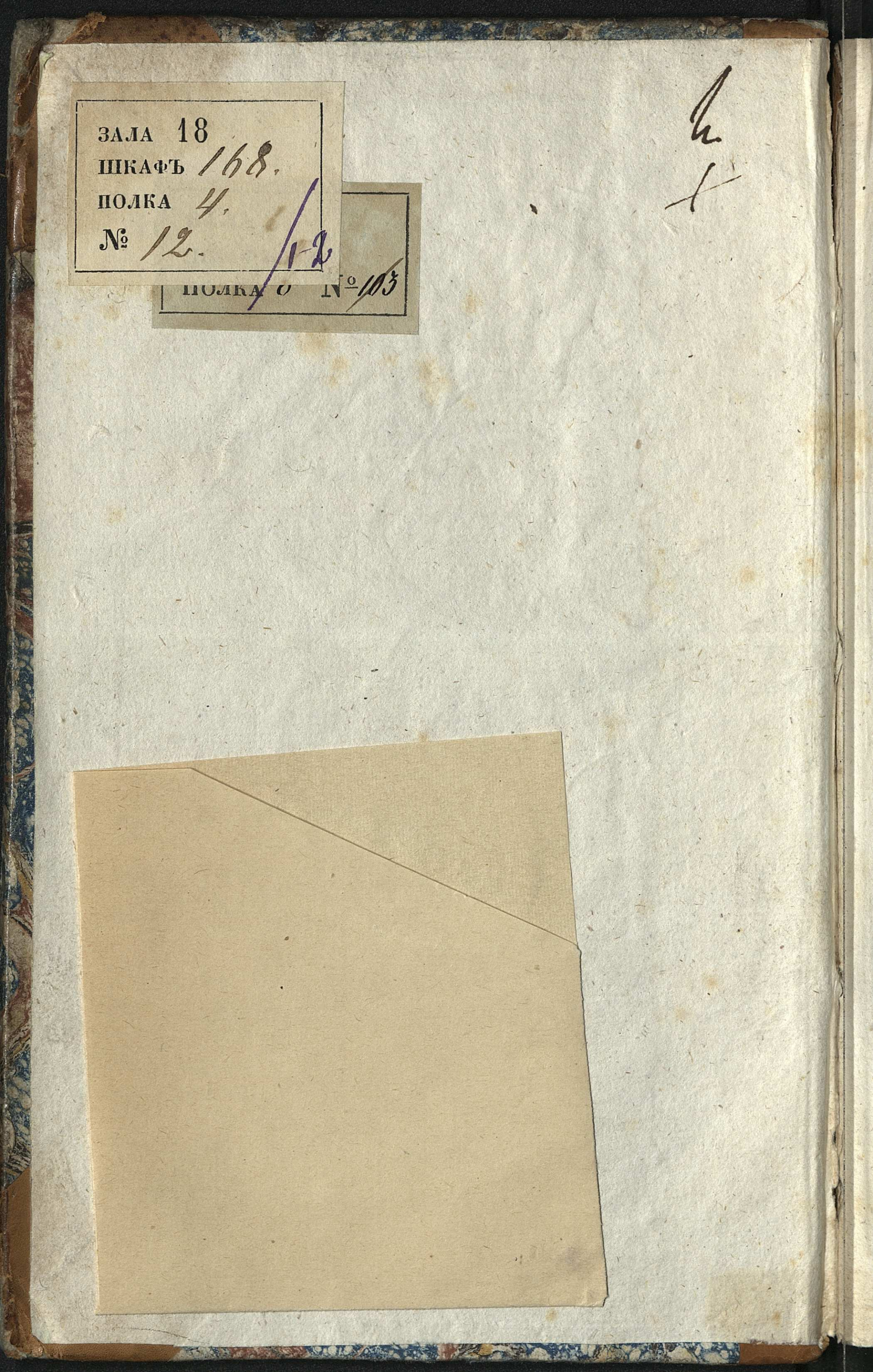

ЗАЛА 18
ШКАФЪ 168.
ПОЛКА 4.
№ 12.
1-2
ПОЛКА 6 № 103

БАСНИ
И
СКАЗКИ

Сочиненія
Г. ГЕЛЛЕРТА.

Часть I.

Перевелъ съ Нѣмецкаго на
Россійскій языкъ
М. Матинской.

Вторымъ тисненіемъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
При Императорской Академіи Наукъ.
1788 года.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Басни и скаски мои, изданныя за два года предъ симъ, имѣли счастіе понравиться знатокамъ. Похвала сія неизреченно меня увеселяетъ и я не могу принести за то инако усерднѣйшей моей благодарности, кромѣ чистосердечнаго въ семъ признанія. Сколь много причиняетъ безпокойствія гордое желаніе получить разумныхъ похвалу; сколь часто отчаяніе лишенія сей чести наводитъ страхъ; сколь много должно имѣть искуства, чтобы придать сочиненіямъ своимъ болѣе живости, такъ же стараться о всѣхъ перемѣнахъ и поправленіяхъ причиняющихъ труда болѣе цѣлаго иногда сочиненія, и просматривать всѣ тѣ мѣста и вымыслы, кои, опасаясь что не довольно свѣту понравятся, съ досадою вычернить должно! однимъ словомъ, надобно сдѣлаться самому тому сочинителемъ, ежели кто хочетъ знать, сколь неоцѣненное награжденіе приноситъ прозорливая похвала, и какую чувствуетъ стихотворецъ тогда радость, когда разумная женщина, читая сочиненія его спокойнымъ духомъ, наслаждается онымъ съ удовольствіемъ; сіе послужитъ ему доказатель-

ствомъ, что не теряетъ онъ естественнаго порядка, и живостію не нарушаетъ тишины, благопристойности и честности. Я говоря сіе чувствую, что самъ себя выхваляю, и едва имѣю надъ собою столько власти, чтобъ разкаяться въ моемъ тщеславіи.

Но сколь ни лестно сіе счастіе, однакожъ тѣмъ опаснѣе оно для меня будетъ, когда гоняяся за нимъ съ великимъ стараніемъ сдѣлаюсь его недостойнымъ. По чему знать, принесетъ ли мнѣ вторая сія часть такую же похвалу, какъ и первая? Будетъ ли свѣтъ о семъ новомъ моемъ опытѣ такъ же разсуждать, какъ и о первомъ? или не лучше ли бы для меня было совсѣмъ оной оставить? Я не съ тѣмъ говорю, чтобъ почли сіе гордымъ смиреніемъ, или заключили бы изъ боязливости моей, что развращаю я моими наставленіями. Я употреблялъ для сихъ новыхъ моихъ басенъ таковое же попеченіе, какъ и для первыхъ, да и не возможно было мнѣ трудиться съ пренебреженіемъ, когда имѣю я довольно усердія служить свѣту. Но прилѣжаніе и предосторожность не составляютъ совершенства въ сочиненіяхъ вмѣщающихъ въ себя остроу-

мїе. Стихотворныя сочиненїя таковаго рода, кои я писать осмѣлился, требуютъ сверхъ прочаго, чтобъ имѣть удачливой успѣхъ въ хорошихъ изобрѣтенїяхъ. Счастїе сїе бываетъ къ намъ либо нѣсколько лѣтъ, или только нѣсколько минутъ благосклонно. И ежели посчастливится намъ въ изобрѣтенїяхъ, то недостаетъ иногда не знаю для чего духа живости, коею надлежало бы оныя изъяснить и придать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ позволительную прикрасу. Иногда пропускаемъ мы среди нашего труда случаи къ хорошимъ выдумкамъ и украшенїямъ, а иногда съ трудностїю ихъ ищемъ. Иногда не можемъ мы найти естественныхъ простыхъ и приятныхъ рѣчей способныхъ для повѣстей, какъ бы память мы свою къ тому ни принуждали. Однимъ словомъ: хотя сочиненїя таковаго ода требуютъ великаго труда, но едва нѣкоторыя изъ нихъ могутъ достигнуть красоты, составляющей прямое таковаго вкуса свойство, къ которому Ванїеръ преизящно намъ руководствуетъ.

. . . . ama libellum,
Quem tecum relegant probentque docti,
Tecum intelligat imperita turba;
Quem bis terque legas, manuque ſemper

Resumas avida; sales nouosque,
Quo plus triveris, eruens lepores.
Nugis non tumeat, magisque rebus
Quam verbis placeat: laboriosa
Lectorem brevitate nec fatiget,
Verborum neque prodiga nitentum
Vbertate gravet: rosae sed instar,
Quae formosior explicatiores
Nec frondes aperit, nec inuolucro
Suas celat opes iniquiori:
Sic nec pauca nimis loquatur;
Lectori neque nil relinquant, acri
Quod per se velit extudisse mente.

Не познаемъ ли мы наконецъ изъ искуства, что продолженїе таковаго рода сочиненїй менѣе заслуживаетъ похвалы, нежели первыхъ оныхъ трудовъ опытъ? То, что сочинитель имѣетъ собственнаго, сдѣлалось уже извѣстно, и слѣдовательно не прельщаетъ оно уже насъ такъ, какъ въ первой разъ. Или что избравъ мы изъ первой части только нѣкоторыя по вкусу своему сочиненїя и возъимѣвъ къ нимъ особливое предпочтенїе, пренебрегаемъ новыя только для того, что инако онѣ сдѣланы. Но я ожидая моей судьбы, хочу слышать отъ моихъ читателей, получило ли мое намѣренїе, преподавать въ басняхъ наставленїе и забаву, прежней успѣхъ, или уже мнѣ болѣе за сїе не приниматься.

I.

СОЛОВЕЙ и ЖАВОРОНОКЪ.

Соловей пѣлъ нѣкогда съ великимъ искуствомъ; пѣнiе его похваляемо было всею страною, и листья на вершинахъ древесъ, пребывая неподвижны, чувствовали тайное удовольствiе. Хоръ птицъ, позабывъ свое отдохновенiе, внималъ его пѣснямъ. Аврора сама медлила на горизонтѣ, по тому что не могла довольно надивиться сему сладкопѣвцу. Ибо звукъ прiятнаго его голоса услаждаетъ и божество, а для прославленiя сея богини воспѣвалъ онъ съ большею еще прiятностiю. Послѣ сего замолкъ. Жаворонокъ приближившись къ нему сказалъ: ты поешь прелестнѣе насъ, и сiю похвалу по справедливости тебѣ приписать должно; однакожъ находимъ мы въ тебѣ сей порокъ, что ты во всемъ году не болѣе поешь, какъ только нѣсколько недѣль.

Но соловей усмѣхаясь говорилъ: жестокiя твои укоризны не токмо меня не оскорбляютъ, но еще и къ вѣчному моему прославленiю послужатъ. Я пою короткое время. А для чего? для того, что пою хорошо. Въ пѣнiи слѣдую я природѣ; пока она господствуетъ, по тѣхъ поръ пою и я; но коль скоро власть ея

минуется, тогда и я пѣсни свои оставляю: природа не терпитъ принужденія.

* * *

Стихотворецъ! послѣдуй соловью, и не пиши стиховъ тогда, когда уже силы твои ослабѣвать станутъ. Природа и дарованія оживляющія твой духъ, творятъ только на нѣсколько лѣтъ тебя къ тому способнымъ. Ежели желаешь ты остроуміемъ своимъ привесть свѣтъ въ удивленіе; то пиши тогда, когда еще жаръ въ тебѣ не потушился, и открой себѣ путь къ вѣчности совершеннаго искуства сочиненіями. Воспѣвай остроумно въ похвалу естества; но коль скоро начнетъ оно умалять въ тебѣ свои дѣйствія, то поспѣшай окончать труды свои со славою прежде, нежели ты со стыдомъ послѣ замолчать будешь долженъ. Можетъ быть скажешь ты: что стихотворца ослабить можешь? онъ никакому времени себя не подвергаетъ. Такъ продолжай же писать и въ самой старости, и старайся тѣмъ оставить по себѣ вѣчную славу.

II. *ЧИЖИКЪ.*

Чижикъ и соловей сидѣли нѣкогда въ клѣткахъ, повѣшенныхъ рядомъ у Дамонова окна. Соловей началъ воспѣвать божественныя свои пѣсни, и приятной его гласъ понравился

маленькому Дамонову сынку. Ахъ какъ мнѣ хочется узнать, сказалъ онъ, которая изъ сихъ птичекъ поетъ столь прекрасно? Отецъ желая его въ томъ удовольствовать, снялъ тотчасъ обѣихъ сихъ птичекъ. Вотъ, сказалъ онъ, онѣ обѣ; но можешь ли ты теперь мнѣ сказать, которая изъ нихъ поетъ лучше? Сынъ не размышлялъ о семъ долго, и, указавъ прямо на чижика, сказалъ, что неотмѣнно ета птичка поетъ лучше. Ибо сколь прекрасны на ней желтыя перышки, то столь же приятны должны быть и ея пѣсни; а ету, другую, видно и по перьямъ, что ничего отъ нея хорошаго быть не можетъ.

* * *

Скажите мнѣ, не находится ли въ свѣтѣ много подобныхъ сему примѣровъ? Кто одѣвается въ великолѣпное платье и распещряетъ себя прочими уборами, того, какъ бы онъ глупъ ни былъ, почитаютъ за разумнаго. Лишь только гдѣ Стаксъ появится, то уже и думаютъ, что онъ великой мудрецъ. Но для чего? Посмотри на его осанку, коль благородную имѣетъ онъ выступку! Другой же хотя и разумнѣе, но какъ наружность его ничего отмѣннаго не показываетъ, то при первомъ самомъ взглядѣ по платью и по лицу заключаютъ о недостаткахъ его разума.

III. Медвѣдь обученный плясать.

Медвѣдь заслуживающій долгое время пропитаніе свое пляскою, ушелъ и остановился при первомъ убѣжищѣ. Медвѣди изъявляли ему радость свою братскими поцѣлуями, и бѣжали лѣсомъ съ радостнымъ мурчаніемъ. Гдѣ лишь одинъ медвѣдь съ другимъ ни встрѣтится, то только между ими было и рѣчей: Пецъ уже опять здѣсь! Гость разсказывалъ имъ, какіе претерпѣвалъ онъ въ чужихъ земляхъ несказанные труды, что видѣлъ, слышалъ и дѣлалъ! И говоря о своихъ танцахъ какъ будто онъ еще былъ на цѣпи, началъ искусно по Польски танцовать.

Друзья видя такія его размашки, удивлялися проворству членовъ, и хотѣли тотчасъ то же самое сдѣлать; но вмѣсто того, чтобы также пройти какъ онъ, едва нѣкоторые изъ нихъ могли становиться на дыбы, а другіе падали растянувшись на брюхо. Мудрецъ нашъ будучи симъ ободренъ, показывалъ тѣмъ еще болѣе своего искуства, чрезъ что и раздражилъ все собраніе. Прочь, закричали они, прочь поди съ твоею наукою! Можешь ли ты, такой дуракъ, умнѣе быть насъ? И такъ они прогнали отъ себя медвѣдя.

* * *

Будь менѣе искусенъ, такъ станутъ менѣе тебя ненавидѣть, по тому что каждой тебѣ тогда подобенъ будетъ: чѣмъ болѣе въ тебѣ искуства предъ прочими, тѣмъ болѣе опасайся онымъ хвалиться. Правда, что будутъ нѣсколько времени выхвалять твои дарованія; но на сіе полагаться не должно: зависть послѣдуетъ тотчасъ, и превратитъ искусство твое въ непростительное преступленіе.

IV. Повѣсть о шляпѣ.

книга первая.

Нѣкто преисполненный разума человѣкъ изобрѣлъ мужеское украшеніе шляпу, и носилъ ее распущенную. Хотя поля оныя и висѣли въ низъ; однакожъ умѣлъ онъ такъ искусно ее употреблять, что она изрядной видъ ему придавала.

Онъ умеръ, и отказалъ ее несвязанную при смерти своей ближнему наслѣднику.

Наслѣднику показалося не способно держать ее въ рукахъ съ распущенными полями, и такъ онъ подумавъ, отважился удачно загнуть ее съ двухъ сторонъ, а по томъ и вышелъ показаться народу. Народъ весьма сему удивился, и кричалъ: теперь то шляпа прекрасной видъ имѣетъ.

Онъ умеръ, и отказалъ при смерти своей загнутую шляпу наслѣднику.

Наслѣдникъ получивъ шляпу, смѣялся надъ нею, и сказалъ: я знаю какъ ее исправить можно. Онъ загнулъ съ прозорливымъ духомъ и третью сторону у шляпы. Какая ето разумная голова! кричитъ народъ. Посмотрите, что смертный изобрѣсть можетъ! Онъ украшаетъ свое отечество.

Онъ умеръ, и отказалъ при смерти своей триугольную шляпу наслѣднику.

Шляпа была уже нѣсколько позаташкана; но скажи же мнѣ, какъ ее еще украсить можно? Она уже пошла черезъ четвертыя руки. Наслѣдникъ окрасилъ ее черною краскою, чтобъ показать, что и онъ нѣчто изобрѣлъ. Щастливая выдумка! кричитъ весь городъ, ни кто прежде его не могъ сего предвидѣть, что бѣлая шляпа весьма смѣшною казалась. Она уже черная! Теперь то она хороша.

Онъ умеръ, и отказалъ при смерти своей очерненную шляпу наслѣднику.

Наслѣдникъ принесши ее въ свой домъ, видитъ, что она очень выношена, чего ради изобрѣлъ преизрядный способъ, чтобъ надѣвъ ее на колодку вымыть теплой водою и вычистить щетками, а по томъ связать снурками. Онъ въ ней выходитъ, и весь народъ кричитъ: что мы видимъ? не волшебство ли ето какое? но-

вая шляпа! о щастливая земля, сомнѣнїе и мракъ въ тебѣ уже истребляются! ни кто изъ смертныхъ не можетъ изобрѣсть лучше сего способа, какой открылъ намъ сей великаго духа человѣкъ.

Онъ умеръ отказавъ при смерти своей обтянутую снурками шляпу наслѣднику.

Изобрѣтенїе увеличиваетъ художниковъ, и оставляетъ въ будущїя времена безсмертную по нихъ славу; наслѣдникъ оборвавъ снурки, обкладываетъ шляпу золотымъ позументомъ, украшаетъ пуговицею, и надѣваетъ ее бокомъ на голову. Народъ увидя сїе едва съ радости въ себя притти можетъ. Теперь то, говорилъ онъ, дошла наука до высочайшей степени совершенства! Онъ одинъ только одаренъ такимъ остроумїемъ и великимъ духомъ! Другїе ни мало съ нимъ сравнены быть не могутъ!

Онъ умеръ, и отказалъ при смерти своей обшитую позументомъ шляпу наслѣднику. И сей новоизобрѣтенной модѣ слѣдовали всегда жители тоя земли.

Конецъ первой книги.

* * *

Что со шляпою приключилось далѣе, то опишу я во второй книгѣ. Наслѣдники не оставляли ее никогда по прежнему; они украшали ея наружность, а сама она была старая. Изъ

сего кратkaго описанія видно, что со шляпою дѣлалось то же самое, что и съ философіею.

V. Старикъ.

Начинаю воспѣвать объ одномъ старикѣ пожившемъ на свѣтѣ лѣтъ девяносто. И ежели не удастся мнѣ теперь превознести его похвалами, то уже никогда объ немъ воспоминать не буду.

Хочу обратить пѣснь мою къ одному старику, хочу увѣдомить какія дѣла отъ него происходили, и стремлюся воспѣть то, что я о семъ престарѣломъ мужѣ читалъ въ историяхъ.

Воспѣвайте стихотворцы съ воспламененнымъ жаромъ, прославляйте себя пѣснопѣніемъ о любви и винѣ! Я оставляю вамъ вино и любовь, а одинъ только старикъ будетъ предмѣтомъ моего пѣнія.

Воспѣвайте о защитителяхъ цѣлыхъ государствъ, и прославляйте ихъ труды купно съ вашими! Я не буду пѣть о иройскихъ дѣлахъ, но старикъ предмѣтомъ моего стихотворенія. О слава приобрѣтенная украшеннымъ сѣдинами старцемъ, возгреми въ будущія времена: внемлите, времена, внемлите! Старикъ мой родился, жилъ, былъ женатъ и умеръ.

VI. Жеребенокъ.

Жеребенокъ не чувствовавшій еще тяжкаго бремени гордаго всадника, почиталъ за достоинство шитую золотомъ узду объѣзженныхъ лошадей. Онъ бѣгалъ за всѣми лошадьми, на которыхъ верьхомъ сидѣли, и желалъ сдѣлаться въ короткое время конемъ украшеннымъ сѣдломъ, уздою и всадникомъ.

Сколь рѣдко познаваетъ честолюбіе то щастіе, за которымъ оно гоняется! Надѣваютъ на жеребенка конскую збрую, желаемое имъ украшеніе, водятъ его оглаживая въ задъ и въ передъ для приученія управлять имъ по своей волѣ; а онъ прыгаетъ бодро, и разсматриваетъ самъ себя съ гордымъ удовольствіемъ.

Послѣ сего возвратился онъ съ пышнымъ видомъ въ конюшню, и ржаніемъ своимъ далъ знать всѣмъ лошадямъ о новополученномъ своемъ счастіи. Ахъ, сказалъ онъ подлѣ стоящей его лошади, какъ расхвалили меня всѣ, которые меня видѣли; какою взнузданъ я былъ прекрасною уздою, и какъ гордо грива моя взвѣвалась!

Что же случилося на другой день? Жеребенокъ возвратясь печаленъ и въ поту, сказалъ въ какое мученіе обратилось воображаемое мною счастіе! Хотя узда и служитъ къ моему украшенію, однакожъ она совсѣмъ не для того

сдѣлана; она сдѣлана въ пользу моего сѣдока, и выдумана къ моей неволѣ.

* * *

Чего не желаютъ въ незрѣлыхъ лѣтахъ? Желаютъ счастїя ослѣпляющаго глаза въ наложенїи на себя знатныхъ чиновъ, хотя и всякой ихъ получать успѣетъ. Спѣшатъ ихъ со удовольствїемъ принимать, измѣняя своей вольности, и усиливаются возвеличивать себя пышными достоинствами, чтобъ повергнуть себя въ вящшую неволю.

VII. Хлорида.

Хлорида возненавидя жизнь свою отъ ревности, пришла наполненна печалїю въ свою хижину; и чтобъ жестоко наказать своего любовника, которой бросилъ взоръ на Сильвїю, просила она усердно Венеру прекратить дни ея легкою смертїю.

Молитва сїя конечно не отъ искренняго сердца была возсылаема. Ибо ежели кто утверждаетъ, что находясь въ цвѣтущихъ лѣтахъ и питая любовную страсть, можно желать смерти, тому любовь мало извѣстна.

Но во время самаго жесточайшаго ея мученїя, зритъ она входящаго къ ней въ нарядѣ своего любовника: тогда перестаетъ она тотчасъ просить о смерти, и не желаетъ болѣе

быть уже бездыханною. Онъ насказываетъ ей великое множество ласкательствъ; воздыхаетъ, извиняется, клянется и цѣлуетъ. О Хлорида! не раскаивайся что ты еще жива осталась; Дамонъ твой клянется вѣчно и вѣрно тебя любить, такъ можно ли тебѣ опечалить его твоею смертію!

Гнѣвъ многихъ красавицъ равенъ бываетъ ихъ нѣжности, по тому что какъ то, такъ и другое не долго продолжается: Хлорида помирившись предалась объятіямъ того, котораго она не за долго предъ симъ достойнымъ ненависти почитала. Она начинаетъ поглаживать его по румянымъ щекамъ, и охорашивать влюбленною рукою.

Но вдругъ цепенѣютъ ея руки. Какъ, Венера! не уже ли конецъ ея приближается? Она упадаетъ въ тихой обморокъ; маленькой ея подбородокъ превращается въ птичій носъ; руки перемѣняются въ крылья; грудь ея зобомъ становится; перья покрываютъ ея тѣло. Возможно ли етому статься? Конечно сталося! Хлорида превращена въ голубку.

Какъ же трепещетъ ея любовникъ! Онъ видитъ летающую свою красавицу. Она облетѣла три раза во кругъ его, какъ будто хотѣла усладить себя еще однимъ поцѣлуемъ. Казалося, что чувствуемая ею предъ симъ

склонность привлекала ее еще и въ семъ превратномъ образѣ къ любви.

Въ украшенiи препровождаетъ она свое время. Посмотрите, какъ хорошо украшаетъ она себя! Пощипываетъ на себѣ перышки, чтобъ ни одно шероховато не стояло; подлетаетъ къ умывальнику, полощется по прежнему своему обыкновенiю, и умываетъ свою шею и грудь.

Какъ прекрасно она смѣется! Не спрашивайте меня, что ее къ смѣху побуждаетъ? Она, какъ Хлорида, часто и пустому смѣется.

Теперь приближась она къ большему зеркалу, предъ которымъ училась иногда показывать разные виды лица, осматриваетъ бѣлую свою шею, удивляется своимъ крыльямъ, и влюбившись въ себя, начинаетъ дѣлать съ дѣвическою гордостiю прелестныя тѣлодвиженiя. О боги! взываетъ ея любовникъ, обратите голубку сiю опять въ Хлориду.

Тщетное твое моленiе, отвѣтствовала Венера; она имѣетъ болѣе способности быть голубкою, и я не дамъ уже ей никогда образа человѣческаго. Она умѣетъ воздыхать, смѣяться и безпрестанно наряжаться, а объ разумѣ никогда не помышляетъ; и такъ она по склонности своей удобнѣе можетъ препровождать свой вѣкъ голубкою.

О! если бы Богиня отложила свое намѣренiе превращать всѣхъ такихъ красавицъ, кои

поступками своими подобны Хлоридѣ! Однакожъ сказываютъ, что откладывать она не намѣрена. Ахъ, Богиня! Какое тогда множество будетъ находиться на земли голубей! Лишь только кто женившись успѣетъ отправить свадебные обряды, тотъ и увидитъ тотчасъ вмѣсто жены на груди своей сидящую голубку. Я уже на передъ сожалѣю о нѣкоторыхъ прелестныхъ личикахъ. Не дѣлай сего любезная Богиня!

VIII. Больной.

Нѣкоторый человѣкъ страдавшій долгое время ломовою болѣзнію, употреблялъ всякіе способы, какіебъ только ему сказаны ни были; однакожъ не могъ ни коимъ образомъ отъ оной излѣчиться. Старуха, которой онъ жаловался на сей недугъ, предложила ему сокровеннѣйшей волшебной способъ. Надобно тебѣ, шептала она ему на ухо, сѣсть при солнечномъ восхожденіи на могилу какого нибудь праведнаго человѣка, и вытереть упадшею росою троекратно руки и ноги; сіе тебѣ поможетъ, и ты тогда меня вспомянешь.

Больной исполнилъ то, что старуха ему сказала; ибо чего не предпринимаютъ для облегченія отъ болѣзни? Онъ пошелъ на самомъ разсвѣтѣ на кладбище, и приближась къ одной

могилѣ, увидѣлъ на гробницѣ слѣдующія слова: „Прохожей, сей камень тебѣ объявляетъ, кто „былъ подъ нимъ лежащій. Онъ былъ удивле- „ніе своего времени, примѣръ набожности; однимъ „словомъ, онъ былъ таковъ, о которомъ духо- „венство, училищи, города и села сожалѣли.

Онъ сѣвши тутъ, орошаетъ разслабленные свои члены; однакожъ лѣченіе сіе не токмо что не имѣетъ успѣха, но еще болѣе болѣзнь его умножается, и такъ взявши онъ въ огорченіи своемъ трость, ускоряетъ сойти съ могили сего благочестиваго мужа, и садится на другую близъ ея находящуюся, на которой не было ни какой приснопамятной надписи; тутъ стала его болѣзнь мало по малу уменьшаться. Онъ началъ тотчасъ употреблять сказанной ему способъ; разслабленные его члены укрѣпились, и онъ сошелъ уже безъ посоха, не чувствуя ни мало болѣзни, съ сей почтенной могилы. Ахъ! вскричалъ онъ, жаль что не положено тутъ камня, на которомъ бы я увидѣть могъ, кто былъ сей благочестивый человѣкъ? Въ то время подошелъ къ нему нечаянно пономарь, котораго онъ не преминулъ спросить, кто на семъ мѣстѣ погребенъ? Онъ долго ему не отвѣтствовалъ, какъ будто безъ стыда не можно было ему объ немъ и выговорить, но на конецъ вздохнувъ сказалъ: Ахъ! прости меня Господи! Онъ былъ таковъ, что едва дозволи-

ли честно его погребсти, по тому что онъ былъ еретикъ, онъ зналъ развратныя науки, писалъ комедїи и стихи; онъ былъ, ежели сказать правду, затѣйникъ и плутъ. Нѣтъ! сказалъ онъ пономарю, онъ не былъ такъ беспутенъ, какъ люди его обвиняютъ, а развѣ сей, котораго вы почитаете набожнымъ, и о которомъ гробница съ толикими похвалами вѣщаетъ: такъ я не сомнѣваюсь, чтобъ онъ не былъ бездѣльникъ.

IX. Лисица и сорока.

Лисица сказала нѣкогда сорокѣ: смѣю ли я тебя спросить, о чемъ ты говоришь всегда беспрестанно; я думаю, что говоришь ты конечно о важныхъ дѣлахъ? Я распространяю истину, отвѣчала сорока, которой кромѣ меня никто изъяснить не въ состоянїи, и я прилѣжностїю моею могу разсказать обо всемъ, отъ орла даже и до летучей мыши.

Могу ли я, вопрошала лисица, утрудить тебя моею прозьбою? я желала бы послушать нѣсколько твоего краснорѣчїя.

Какъ искусный врачь взошедъ на позорище выхваляетъ свои науки, расхаживаетъ взадъ и впередъ, утирается платкомъ, кашляетъ и начинаетъ свою высокопарную рѣчь: подобнымъ сему образомъ и сорока перепрыгивая съ сука на сукъ и почищая свой носъ, приняла на себя

ученой видъ. По томъ сказала она съ важнымъ произношенiемъ: я охотно хочу служить моими дарованiями, и скрывать ничего не желаю. Ты думаешь, говорила она, что у тебя четыре ноги, не правда ли? Однакожъ, госпожа лисица, ты ошибаешся. Послушай только, я опровергну сiе неоспоримыми доказательствами.

Нога твоя движится только тогда, когда она идетъ, а не движится ежели стоитъ на одномъ мѣстѣ; но послушай же что буду я говорить тебѣ далѣе, вить ето еще не совсѣмъ я доказала. Когда нога твоя ступаетъ, то ступаетъ она по землѣ. Разсмотри же теперь твой хвостъ. Когда ты побѣжишь посѣщать курятники, и какъ скоро нога твоя тронется, то и хвостъ вмѣстѣ съ ней зашевелится; а какъ станетъ она переступать, то и онъ за нею же по землѣ потащится. Изъ сего заключаю я, что хвостъ у тебя есть пятая нога; и сiе то, госпожа лисица, доказать надлежало.

* * *
*

Мы не знали еще, что звѣри такъ искусны; какъ я етому радъ, что и между ими находятся такiя остроумныя головы, которыя все доказывать умѣютъ! Лисица подлинно мнѣ ето разсказывала. Она, какъ лукавой звѣрь, примолвила еще и то, что чѣмъ менѣе они разумѣютъ, тѣмъ силятся болѣе доказывать.

X. ЗЕМЛЯ ХРОМЫХЪ.

Нѣкогда находилася такая земля, вЪ коей не было ни одного человѣка, которой бы говоря не заикался, а ходя не хромалЪ, по тому что какЪ то, такЪ и другое за пригожство почиталось. Нѣкоторый чужестранецЪ, примѣтивЪ сей порокЪ, думалЪ, что походкѣ его удивляться будутЪ, и такЪ пошелЪ онЪ твердыми шагами. Лишь только онЪ вышелЪ, то всѣ уставили на него глаза, всѣ смѣялись и останавливаясь кричали: поучите иностранца ходить получше!

ИностранецЪ почитая за должность отвратить отЪ себя таковую насмѣшку, кричалЪ имЪ: вы хромаете, а я нѣтЪ; вамЪ надобно отЪ етой походки отвыкать. КрикЪ еще тѣмЪ болѣе умножился, когда услышали, что иностранецЪ не заикается. ОнЪ не заикается говорили они; пускай же будутЪ смѣяться надЪ нимЪ всѣ наши земляки для его поношенія.

* * *

Обыкновеніе украшаетЪ порокЪ, кЪ которому мы сЪ младенчества привыкли. Тщетно отваживаться будетЪ разумной человѣкЪ увѣрить насЪ, что мы глупы. Мы почтемЪ еще его и сами дуракомЪ, за то только, что онЪ умнѣе насЪ.

XI. ИНКЛЪ И ЯРИКА.

Желанїе богатства научило насЪ на легконосящемся по морю деревѢ преплывать свирѣпыя волны, оно ободрило насЪ ввѣрять все наше имѣнїе, да и самую жизнь сему неизмѣримому пространству; сїе то самое желанїе, которое можно назвать яснымЪ понятїемЪ прибытка и потери, понудило Инкла сѣсть на корабль. ОнЪ жертвуетЪ морю своею юностїю; торги почитаетЪ онЪ своимЪ разумомЪ, а щотЪ добродѣтелїю.

ОнЪ направляетЪ свой путь вЪ богатую землю, которую мы покорили мечемЪ, и научили христїанству и нашей жадности. ОнЪ видитЪ уже Америку; но приближаясь кЪ ней разбила буря корабль его. Хотя и спасЪ онЪ свою жизнь прибившись кЪ берегу, но толпа дикихЪ людей напала вдругЪ на оставшихся БританцовЪ и перерубила всѣхЪ тѣхЪ, кои избавились отЪ смерти при кораблекрушенїи. ИнклЪ остался живЪ; онЪ сохранилЪ свой животЪ ушедши вЪ лѣсЪ. Утомившись отЪ скораго бѣгу, бросился онЪ на конецЪ сЪ разсѣянными мыслями подЪ одно дерево, подЪ которымЪ тревожимЪ будучи страхомЪ и отчаянїемЪ размышлялЪ, что голодЪ или мечь лишитЪ его жизни.

Нечаянной шумъ поразилъ робкой его слухъ: дикая дѣвка выскочивъ изъ закустарника, устремила быстрой свой взоръ на лежащаго Европейца. Она изумилася. Чтожъ она по томъ сдѣлала? Конечно побѣжала въ удивленіи назадъ? Никакъ! дикія красавицы не такъ горды, и не надуты Нѣмецкою пышностію. Она стала его разсматривать; круглое и бѣлое его лице, платье, кудрявые его волосы и пріятные взоры понравились сей красавицѣ; все сіе привлекало ее остановиться тутъ со удовольствіемъ.

Не менѣе того и Инклъ пораженъ сталъ красотою дикой сей дѣвушки. Она не зная любовныхъ обращеній не могла сокрыть въ себѣ того, чѣмъ взоръ соотвѣтствовалъ движенію ея души. Глаза ея наполнены были ласкою и ожидали взаимнаго изъясненія. Индіянка была достойна любви. Чета сія начала говорить между собою знаками, кои и утвердили между ими взаимную любовь. Когда Ярика махнетъ ему рукою, тогда онъ за нею слѣдуетъ; она приноситъ плоды въ его шалашъ, и указываетъ ему источникъ для утоленія жажды; усмѣшкою совѣтуетъ ему быть веселу и не бояться. Часто посматриваетъ ему въ глаза, любуется надъ его волосами и удивляется что они такъ кудрявы.

При наступленіи каждаго утра увеселяетъ она Инкла своими разговорами, и нѣжно-

стію изъясняетъ ему ежедневно сколь чувствительное имѣетъ она къ нему сердце. Она приноситъ ему подарки и украшаетъ его хижину разношерстными кожами и пестрыми перьями. При посѣщеніи своемъ распещряетъ она плечи свои всякой разъ новыми прекрасными раковинками. Въ нощное время приводитъ она его къ водянымъ падунамъ, гдѣ при шумѣ воды и при свистѣ соловья чужестранецъ нашъ засыпаетъ; а она наполнена будучи къ нему нѣжностію, охраняетъ его въ своихъ объятіяхъ. Сыщется ли въ Европѣ столь благородное сердце?

Любовь вливаетъ сей четѣ новое произношеніе рѣчи; они разговариваютъ между собою самовыдуманнымъ языкомъ и разумѣютъ другъ друга. Инклъ часто разсказывалъ ей, какую сладкую отечество его имѣетъ жизнь и забавы. Онъ желаетъ ее имѣть у себя въ Лондонѣ, а она, слыша сіе досадуетъ, что желаніе его долго исполниться не можетъ. Тамъ, говорилъ онъ, указывая на свое платье, одѣну тебя въ разноцвѣтную драгоцѣнную одежду, и будешь ѣздить ты въ полустеклянномъ домикѣ, которой бодрые кони возятъ по городу.

Дѣвушка плачетъ отъ радости, и, воздыхая смотритъ на море, не увидитъ ли какого корабля. Сіе ей посчастливилось, и она увидѣла скоро то, чего желала. Какъ скоро

корабль присталъ къ берегу, то побѣжала она съ радостнымъ крикомъ искать своего любовника, и позабывъ изъ любви къ нему свое отечество, спѣшитъ при помощи его съ такою радостію отправиться въ море, какъ будто бы сей корабль, на которой она всходитъ, былъ тѣмъ самымъ домикомъ въ Лондонѣ.

Корабль отправился при благополучномъ вѣтрѣ въ Барбадосъ (*); мѣсто сіе подало Инклу причину размышлять о его участи, и возобновило въ сердцѣ его купеческой духъ. Онъ ѣхалъ съ пустыми руками изъ Индіи; сіе было по его къ богатству жадности несказаннымъ огорченіемъ. Такъ для того только я, говорилъ онъ самъ себѣ, преплывалъ свирѣпыя моря, снося великой трудъ и отчаяніе, чтобъ возвратиться назадъ въ бѣдности? Онъ утоляетъ тотчасъ жадность свою прибыткомъ и выводитъ Ярику къ купцу торгующему невольниками. Тутъ превращается благодарность въ тиранство, и онъ продаетъ ту, которая ему во многихъ нуждахъ помогала.

Она бросается ему на шею, становится предъ нимъ на колѣни, плачетъ, кричитъ и проситъ его неотступно. Однакожъ ни что не помогаетъ! онъ ее продаетъ. Меня ли ты

(*) Барбадосъ есть одинъ изъ Карабскихъ островов, принадлежащій Англіи. Тамъ отправляютъ великой торгъ невольниками.

продаешь, продолжала она свои жалобы, какъ! я имѣю уже въ себѣ плодъ отъ любви нашей. Чтожъ, понудило ли его сіе къ сожалѣнію? Безъ сомнѣнія! Онъ прибавилъ на нее цѣны. Придай еще три фунта-стерлинга, вскричалъ сей вѣроломной Британецъ, и возми отъ меня ету бабу; ее зовутъ Ярикою.

* * *

О безчеловѣчный Инклъ, которому еще ни гдѣ подобнаго не бывало, пускай узнаетъ весь свѣтъ твою срамоту? Заслуживаетъ ли она, злодѣй, за чистосердечіе и величайшую вѣрность жестокую неволю? Дѣвица отважившаяся для тебя ввергнуться въ опасность жизни, избавившая тебя отъ смерти, лишившаяся изъ любви къ тебѣ своего отечества, преплывающая съ тобою моря и имѣющая сверхъ своея красоты благородное сердце, возможно ли тебѣ предать ее въ жертву твоему корыстолюбію? Будь гордъ, такъ ни какой бездѣльникъ не лишитъ тебя твоей чести, и не возможно будетъ послѣдовать твоимъ порокамъ.

XII. *Кукушка.*

Кукушка спрашивала нѣкогда у скворца улетѣвшаго изъ города: скажи мнѣ, продолжала она, что говорятъ въ городѣ о нашихъ пѣсняхъ? Хвалятъ ли соловья? Весь городъ пѣ-

сни его похваляетъ, отвѣтствовалъ скворецъ. -- А жаворонка? -- Половина города пѣснями его довольна. -- Что говорятъ о дроздѣ? -- Дроздъ также многихъ людей увеселяетъ. Я хочу нѣчто у тебя спросить, скажи мнѣ, продолжала кукушка, что говорятъ обо мнѣ? Я не знаю, что тебѣ на ето сказать, отвѣчалъ скворецъ, по тому что я о тебѣ ничего не слыхивалъ. Такъ стану же я мстить тѣмъ за сїю неблагодарность, сказала она, что сама о себѣ всегда говорить буду.

XIII. Домовой.

Трактирщика безпокоилъ нѣкогда долгое время домовой, котораго онъ хотя и всякими мѣрами старался выгнать, однакожъ труды его были тщетны. Привидѣнїе сїе не устрашалося ничего, и посѣщало хозяина всякую ночь подъ бѣлымъ покрываломъ.

Переѣхалъ къ нему въ домъ одинъ стихотворецъ, котораго хозяинъ просилъ, чтобъ онъ къ нему ночью пришелъ и почиталъ бы своихъ стиховъ, по тому что опасался онъ въ то время одинъ оставаться. Стихотворецъ началъ ему читать невкусную трагедїю, которая котя не хозяину, однакожъ сочинителю довольно нравилась.

Домовой появившись передъ однимъ только хозяиномъ, началъ слушая вздрагивать, и не могъ пробыть долѣе одного явленія, по тому что какъ скоро другое началось, онъ тотчасъ исчезъ.

Хозяинъ ласкаясебя надеждою, послалъ также и въ другую ночь за стихотворцемъ. Стихотворецъ сталъ читать, и домовой появился, однакожъ не могъ онъ тутъ долго пробыть. Изрядно! сказалъ хозяинъ самъ себѣ, я тебя тотчасъ отучу, конечно ты стиховъ не любишь?

На третью ночь остался хозяинъ одинъ. Какъ скоро ударило двенатцать часовъ, то появилося предъ нимъ опять сїе страшилище. Иванъ! закричалъ хозяинъ изо всей мочи, поди поскорѣй и попроси стихотворца, чтобъ прислалъ онъ мнѣ на часъ своей трагедїи. Привидѣнїе испугалось, и стало махать слугѣ рукою, чтобъ онъ не ходилъ. Послѣ сего вскорѣ оно исчезло и никогда уже болѣе не казалося.

* * *

Всякой, кто будетъ читать о семъ удивительномъ приключенїи, долженъ почерпнуть для себя наставленїе, что какъ бы какое стихотворенїе гнусно ни было, однакожъ къ чему нибудь годиться можетъ. Когда домовой боится уже и худыхъ стиховъ, то служитъ намъ сїе къ великому утѣшенїю. Положимъ,

что въ нынѣшнія времена появится ихъ и цѣлые легіоны, то, для освобожденія себя отъ нихъ, недостатка въ стихахъ имѣть мы не будемъ.

XIV. Самоубица.

О юноша, познай изъ сего повѣствованія, принуждающее тебя, можетъ быть, пролить слезы, какіе горестные плоды любовь къ красавицамъ производитъ!

Нѣкто молодой человѣкъ, образецъ благонравныя юности, будучи утѣшеніемъ и жезломъ старости своему родителю, подавалъ о себѣ поводъ, чрезъ вкоренившіеся въ него съ молодыхъ лѣтъ добродѣтели, къ великой надеждѣ.

Власть любви принудила его нѣкогда изъяснить нѣжную свою страсть Клименѣ; онъ воздыхаетъ и проситъ о взаимной любви, но она ему не соотвѣтствуетъ.

Онъ становится предъ ней на колѣни и изъявляетъ ей свои мученія, но все тщетно! Климена повелѣваетъ ему себя убѣгать. Хорошо, вскричалъ онъ, я скроюсь отъ тебя, и ты не будешь уже видѣть меня вѣчно.

Онъ обнажаетъ свою шпагу, и . . . что можетъ быть сего отважнѣе! Посмотрѣвъ на конецъ и остреё, вкладываетъ ее потиконьку опять въ ножны.

XV. БОГОМОЛКА.

Живущая вѣ нашемѣ городѣ набожнѣйшая женщина, которой и платье и лицо изѣявляютѣ богобоязливой ея видѣ, а уста ея дышутѣ благоговѣнїемѣ, не заслуживаетѣ ли она похвальной пѣсни?

Какое великое нравоученїе почерпнемѣ мы изѣ ея жизни! Какѣ скоро лишѣ пробьетѣ по утру восемь часовѣ, то вставши благочестивая сїя женщина сѣ своей постели, и приискавѣ молитву того дня, пѣть начинаетѣ. Хотя уже ей отѣ роду лѣтѣ около шестидесяти, однакожѣ читаетѣ молитву отѣ соблазненїя; никогда она досыта не наѣдается, но проситѣ Бога укрѣпить ее вѣ воздержанїи отѣ пищи; заклады беретѣ сѣ великими процентами, однакожѣ вопїетѣ она о утѣшенїи ея вѣ неимуществѣ.

Какое вѣ ней чистосердечїе! какое несомнѣнное упованїе! Она прочитываетѣ вѣ годѣ два раза на сквозь библїю, и исторгаетѣ тѣмѣ вѣчно весь свой домѣ изѣ адскихѣ челюстей.

Она пропѣваетѣ каждой день двенатцать молитвѣ. Но ежели вѣ то время появится предѣ нею нищей, то закричитѣ она: поди бездѣльникѣ прочь! смѣешь ли ты мѣшать мнѣ вѣ моемѣ пѣнїи? когда я пою, такѣ не ожидай ты отѣ меня никакой милости, поди и околѣ-

вай по прежнему съ голоду; я устремляю теперь мысли мои къ Богу, такъ развѣ мнѣ ихъ оставить, и думать о тебѣ?

Поючи ставитъ она на столъ кушанье, а какъ станетъ ѣсть, то проклинаетъ она злыя времена. Но кто стучитъ опять въ двери? Пришла бѣдная вдова, которая куска хлѣба не - - - - Поди, перерываетъ она, и не мучь меня твоею нуждою тогда, когда я еще сама куска хлѣба не проглотила. Конечно ты не поешь и не молишься? Будь усердна къ Богу и помышляй о своей должности, такъ и не будешь отъ него забыта. Ты видишь, что я по мiру не хожу? и ето для того, что молюсь я съ теплою вѣрою.

Однакожъ любезная сiя старушка не такъ жестокосерда и скупа. Въ ней не столько нечувствительности, сколько сожалѣнiя. Конечно такъ! Она служитъ и помогаетъ бѣднымъ исправляя ихъ выговорами и укоризнами и принуждая къ трудамъ и молитвѣ: не то ли самое дѣлать повелѣваетъ намъ и священное писанiе! Она также охотно служитъ и своимъ имѣнiемъ, но только честнымъ людямъ. Не всякая ли здѣсь честная женщина можетъ въ нуждѣ имѣть къ ней свое прибѣжище? Пускай принесетъ ей хотя маленькую вѣдомость, то она въ тожъ самое время сдѣлать помощь ей не отречется.

Беата конечно сїе сдѣлаетъ! сердце ея къ сему способно, какъ бы люди въ томъ ее ни порицали. Не токмо что живымъ щедроты ея полезны, но и мертвымъ дѣлаетъ она великїя одолженїя. Пропустила ли она хотя одинъ разъ, чтобы не положить вѣнца на гробъ погребаемаго младенца? Не льзя, чтобъ не сказали сїи умершїе: Беатинъ вѣнецъ есть наилучшїй! какъ хорошо изображено на немъ распятїе! а кто его прислалъ? Беата; она посвящаетъ его усопшему. Святая женщина! Ежели доживетъ она до моей смерти, то велитъ безъ сомнѣнїя посеребрить мой гробъ.

Она украшаетъ каѳедру и олтарь; и какъ бы ее ни ненавидѣли, однакожъ на будущей новой годъ украситъ она тѣ мѣста въ третей уже разъ. Какъ бы ей кто ни попрекалъ, что дѣлаетъ она сїе изъ одного только тщеславїя, но щедролюбивая ея душа ни мало тѣмъ не безпокоится. Кто ето таковъ, которой въ сборной книгѣ исписалъ цѣлой листъ кудрявыми словами? Ето Беата, она ссужаетъ Бога со всякою охотою. Чтожъ ей дѣлать, что люди все сїе за нею видятъ?

Пускай, Беата! хулители тебя ругаютъ, пускай клевещущїй ихъ языкъ говоритъ, какъ будто бы ты подкупаешь Творца, чтобъ оставилъ онъ тебя за лихоимство твое безъ наказанїя. Пускай судятъ о тебѣ съ ругатель-

ствомъ, что будто ты весьма привыкла присвоивать людямъ пороки; что радуешся ты видя другихъ въ нещастіи и нуждѣ; и что соблюдаешь ты одинъ только видъ добродѣтели.

Молчите, ругатели, молчите! возможно ли сему статься! она читая молитву встаетъ, а поючи засыпаетъ.

XVI. Слѣпой и хромой.

Слѣпой встрѣтившись нечаянно съ хромымъ на улицѣ, весьма обрадовался, и просилъ его послужить ему вмѣсто проводника.

Возможно ли мнѣ ето сдѣлать? отвѣчалъ хромой, я и самъ бѣдной человѣкъ ходить не могу; однакожъ кажется, что здоровыя твои плеча способны въ ношенію тяжести.

Согласись ты меня носить, такъ я стану указывать тебѣ дорогу; ноги твои мнѣ, а глаза мои тебѣ помогать будутъ.

Хромой вскарапкался и съ клюками своими на широкія плечи слѣпца. Такимъ образомъ соединившись сія чета пошла въ путь, котораго бы имъ, каждому порознь, никакъ не льзя продолжать было.

* * *

Ты не имѣешь того, что имѣетъ другой, а въ другомъ нѣтъ того, что въ тебѣ нахо-

дится; изъ общихъ же сихъ несовершенствъ происходитъ сотоварищество.

Ежели бы другой имѣлъ также и тѣ самыя дарованія, которыми естество и тебя одарило, то бы онъ для одного себя, а не дл обоихъ трудился.

Не отягчай Всемогущаго твоими жалобами! Преимущество, которое другой предъ тобою имѣетъ, будетъ между вами общее, ежели вы другъ другу взаимно помогать будете.

XVII. Собака.

Филаксъ охраняя по ночамъ неусыпно домъ своего хозяина, прогонялъ часто лаяніемъ своимъ великія толпы воровъ; онъ отгонялъ и самаго искуснаго вора Липсъ-Тульяна, которой два раза принужденъ былъ безъ добычи возвратиться; по томъ напала на сего пса лихорадка.

Всѣ сосѣды присовѣтовали для облегченія сей собаки насильно ей дать змѣинаго дерева масла и митридату. Однакожъ и самоискуснѣйшій сего хозяина сосѣдъ, которой получилъ въ чужихъ земляхъ докторское достоинство, тщетно старался помочь сему животному.

Едва только сей печальной слухъ пронесся, какъ всѣ Филаксовы друзья и приятели, оставивъ свой обѣдъ, прибѣжали его навѣстить.

Пантелонъ, лучшей его пріятель, облизывалъ его горячія губы, и вздыхая говорилъ: о жестокой часъ! кто бы могъ о семъ подумать?

Ахъ Пантелонъ! вскричалъ Филаксъ, не правда ли ето, что я умираю? Если бы не давали мнѣ лѣкарствъ, такъ бы я конечно живъ остался. Ежели я, ахъ! такъ скоро умру, такъ ты за подлинно увѣрять можешь, что многія лѣкарства были причиною моей смерти.

Какъ бы спокойно я умеръ, ежели бы передъ послѣднимъ моимъ концомъ могъ обглодать тѣ кости, кои я для себя спряталъ! Сіе наводитъ на меня великую тоску, что принужденъ я оставить такое сокровище и не могу ни съѣсть его передъ моею смертію, ни взять съ собою.

Ежели ты меня любишь и мнѣ вѣренъ, то принеси ихъ сюда; одну кучу сихъ костей найдешь ты у садовыхъ воротъ подъ липами, а другую спряталъ я, любезной мой Пантелонъ, только еще вчера по утру подъ хворостомъ; но не ѣшь же ты ихъ.

Пантелонъ побѣжалъ, и принесъ ему въ цѣлости все то, что онъ тамъ нашелъ, а Филаксъ собравъ слабыя свои силы, не преминулъ обнюхать своего имѣнія. Наконецъ, какъ глаза его уже помутились, то сказалъ онъ: оставь меня одного! и ежели я умру, то возми

ты все; только прежде пожалуй ничего не трогай.

Ежели бы я могъ быть толь щастливъ, чтобъ ту ветчинную кость, которую я - - - - - - Но я не помню, куда ее положилъ. Когда я выздоровлю, то дамъ тебѣ при жизни своей лучшую половину; однакожъ ты - - - - - - . По сихъ словахъ околѣла сабака.

* * *

Скупой и при смерти своей жадности къ богатству не оставляетъ. Изъ рѣдка посматриваетъ онъ на свой гробъ, но беспрестанно мечетъ съ ужасомъ взоры свои на сокрытое со страхомъ свое сокровище. О тяжкое бремя суеты! чтобъ бѣдно жить, и имѣть горестную смерть, стараемся мы собирать великое богатство; достойно ли зависти таковое счастіе?

XVIII. Тяжба.

Тяжбамъ должно быть неотмѣнно! Но ежели бы ихъ не было въ свѣтѣ, то какъ бы можно назначить и раздѣлить наше имѣніе? сама природа спорить насъ научаетъ. Такъ станемъ же спорить, и судиться; хотя и будутъ усиливаться крикомъ насъ заглушить, но упускать не должно; отважимся на все, и будемъ

продолжать нашъ искъ. Что правда, то всегда правдою будетъ.

* *
*

Что ты говоришь соседъ? не думаешь ли ты, чтобъ ета межа была твоею? Нѣтъ, она принадлежитъ къ моему полю.

„Нѣтъ, куманекъ, нѣтъ, ты ошибаешся; „я представлю тебѣ двадцать человѣкъ свидѣ„телей, изъ которыхъ каждой скажетъ, что еще до Шведскихъ времянъ - - - - - - -

Врешь ты кумъ! разумѣешь ли, что я тебѣ говорю? Я тебѣ сказываю, что сія межа и съ травою принадлежитъ мнѣ, и по тѣхъ поръ не успокоюся, пока не получу приговора судейскаго. Такъ сказалъ Кунцъ своему сопернику ударивъ рука въ руку и повернувъ бокомъ на головѣ остроугольную свою шляпу. Хорошо, сказалъ другой, прежде нежели лишусь я сей межи, то потеряю лучше все мое имѣніе. Досада принудила Кунца отправиться немедленно въ близь лежащей городъ. Не задолго предъ симъ и стряпчей его Глимпфъ поѣхалъ въ тотъ же приказъ. Онъ бѣжитъ и нагоняетъ Глимпфа. Какъ, ты говоришь, что сему статься не можно? Кунцъ шелъ пѣшкомъ, а Глимпфъ ѣхалъ на лошади. Такъ развѣ ты думаешь, что я лгу? Оставь пожалуй ето сомнѣніе; въ протчемъ же, чтобъ отмстить за сіе руга-

тельство, спрошу я тотчасЪ самЪ господина Глимпфа.

Я еще разЪ сказываю, что КунцЪ нагоняетЪ Глимпфа, хватаетЪ лошадь за узду и ему кланяется. Государь мой! начинаетЪ онЪ говорить сЪ огорченнымЪ лицемЪ, сосѣдЪ мой плутЪ, негодной человѣкЪ, хотя я и не хочу его бранить, говоритЪ, что будто межа, которая лежитЪ между нашими полями, ему, такому дураку принадлежитЪ. ОднакожЪ я посмотрю, удастся ли кому ее у меня оттягать. ВотЪ тебѣ, государь мой, продолжалЪ онЪ, лучшая моя корова и четверть овса, (тутЪ заржала отЪ радости стряпчаго лошадь услышавЪ про овесЪ) только пожалуй постарайся и помоги мнѣ вЪ семЪ дѣлѣ.

Ни кто сЪ такимЪ доброжелательствомЪ стараться о тебѣ не будетЪ какЪ я, отвѣчалЪ ГлимпфЪ. Сосѣду твоему нѣчего уже будетЪ противЪ тебя говорить, и я вижу изЪ твоихЪ рѣчей, что дѣло твое совсѣмЪ право. Начинай просить на сего бездѣльника! Я себя не хвалю, такЪ какЪ и всѣ честные стряпчїе это дѣлаютЪ; однакожЪ знаешь ты самЪ, что сЪ двадцать лѣтЪ назадЪ, ни какое дѣло испорчено мною не было. Я вступлюсь за тебя; что уже сказано, то свято! оно будетЪ вЪ твоихЪ рукахЪ. ГлимпфЪ сказавЪ сїе продолжаетЪ свой путь, а КунцЪ бѣгучи за нимЪ

кричитЪ: государь мой! я исполню мое обѣщанїе.

СЪ какимЪ великимЪ жаромЪ начали разбирать его дѣло! измарали уже нѣсколько стопЪ бумаги; всю деревню потребовали вЪ приказЪ вЪ свидѣтели, изЪ которыхЪ дватцать пять человѣкЪ согласно объявили, что сказывали имЪ отцы и дѣды, что межа сїя ему не принадлежитЪ.

Ей КунцЪ, дѣло твое идетЪ худо! Хотя я и не знатокЪ вЪ приказныхЪ дѣлахЪ, однакожЪ, между нами будь сказано, я думаю, что не имѣешь ты на то большаго права.

Но ГлимпфЪ ободряетЪ его: хотя и худенько наше дѣло, говоритЪ онЪ, да пускай ихЪ судятЪ, пускай идетЪ оно своею дорогою, ты увидишь, что я на конецЪ сдѣлаю, только - - - - - -.

Я уже разумѣю, государь мой, о чемЪ ты рѣчь заводишь; деньги будутЪ тотчасЪ готовы. ОнЪ принужденЪ былЪ денегЪ занять. Тяжба сїя шестой уже годЪ продолжается; но для чегожЪ такЪ долго? Я тебѣ о семЪ, читатель, сказать не могу, а спроси ты юриспрудентовЪ.

Рѣшилось на конецЪ дѣло. Смотри пожалуй, КунцЪ перетягалЪ! Хотя онЪ и много потерялЪ, но ето бездѣлица; онЪ лишился только своего двора, которой уже онЪ и продалЪ. Пускай такЪ, однакожЪ межа осталась

за нимъ. Учитесь у меня кричитъ онъ, какимъ образомъ должно тягаться до послѣдней рубашки; вы видите, что правда, то всегда правдою будетъ!

XIX. НИЩЕЙ.

Нищей пришедши съ обнаженною шпагою въ домъ богатаго хозяина, просилъ нищенскимъ образомъ небольшую милостину. Я, говорилъ онъ, знаю Христіанскую твою душу, ты охотно стараешся помогать бѣднымъ и принимаешь съ истиннымъ сожалѣніемъ участіе въ бѣдствіяхъ твоего ближняго. Я вѣдаю, что прошеніе мое умилостивитъ твое сердце; ты видишь, что не прошу я у тебя ничего съ наглостію; никакъ, я полагаюсь (тутъ указываетъ онъ на свою шпагу) на твое милосердіе.

* * *

Таковъ есть поступокъ честолюбивыхъ писателей, когда просятъ они о нашемъ благоволеніи; они чрезъ великія учтивости даютъ намъ разумѣть строгія свои требованія. Нѣтъ, сочинители не принуждаютъ ни какъ насильно къ похвалѣ, они полагаются только на нашу справедливость; но чтобъ мы объ оной не позабыли, то показываютъ они въ тожъ самое время въ обѣихъ рукахъ войну и ссору.

XX. ЛОШАДЬ И ШМЕЛЬ.

Прекрасная бѣлая лошадь, украшенїе своего рода, имѣющая легкїя бедры, красивой станъ и величавую выступку, везла на себѣ лѣсомъ своего господина. Въ то самое время, когда она шла гордою выступкой, попался ей на встрѣчу шмель и бросился съ жадностїю на мокрой ея мушгукъ. Онъ началъ сосать бѣлую пѣну, которая текла ручьями съ удила. Презрѣнная тварь! сказалъ сей рѣзвой конь, смѣешь ли ты сѣсть на мой мушгукъ? куда дѣвалось твое ко мнѣ подобострастїе? какъ осмѣливаешься ты раздражать такого коня, какъ я? ты задрожишь, какъ скоро лишь я потрясусь. Лошадь потряслась, и шмель слетѣлъ.

Однакожъ онъ вознамѣрился за сїе отмстить; онъ полетѣлъ за ней вслѣдъ и выбравъ случай ужалилъ въ губу бѣлую сїю лошадь, которая испугавшись увязила подкову свою въ коренье, и переломила себѣ ногу. Тутъ повалился сей рѣзвой конь.

* *
*

Кто привлекаетъ на себя ненависть низкихъ людей, тотъ часто отъ нихъ, какъ бы онъ знатенъ ни былъ, въ сѣти впадаетъ. Кто не можетъ тебѣ, такъ какъ другъ, быть по-

лезенъ, тотъ можетъ всегда, какъ злодѣй, причинять тебѣ вредъ.

XXI. Путешествіе.

Нѣкоторый Король обнародовалъ указъ во всемъ своемъ владѣніи, чтобъ всякой желающій получить чинъ, препроводилъ нѣсколько времени въ путешествіяхъ для приобрѣтенія знанія въ наукахъ. Онъ приказалъ сочинить вѣрныя ландкарты и обнадежилъ каждаго, которой отправится близко или далеко, помогать ему въ пути своею казною. Указъ сей былъ столь ясно написанъ, что лучше желать не можно; но какъ многіе боялись предпринять сіе путешествіе, то находили въ ономъ много темности. Любовь къ самому себѣ и къ нашему спокойствію пособляла толковать его весьма замысловато; каждой изъяснялъ его по желанію своея склонности; однакожъ всѣ были въ томъ согласны, что должно повиноваться.

Всѣ принялися тотчасъ за ландкарты, чтобъ узнать положеніе мѣстъ. Многіе разъѣзжали только мыслями, и думали, что они уже странствуютъ. Другіе заготовляли прилежно всякой дорожной скарбъ, разсуждая притомъ, что ежели будутъ они только всегда собираться, то и сіе за ѣзду почтено быть

можетъ. Иные весьма торопилися, какъ будто хотѣли они объѣхать весь свѣтъ; но отъѣхавши нѣсколько верстъ, думали, что исполнили уже Королевское приказанïе. Нѣкоторые старалися на своемъ пути оказать болѣе повиновенïя, нежели сколько повелѣно указомъ; они не ѣхали по зеленымъ лугамъ, но проѣзжали сквозь дремучïе лѣса, будучи преисполнены страха и беспокойствïя, и отяготивъ себя тяжкимъ бременемъ, помышляли, что ежели возвратятся они назадъ, изнуривъ себя трудами и лишившись здоровья, то получатъ за сïе лучшïя достоинства; они же ѣздили и на своемъ иждивенïи. Но тѣ, которые въ сïе время не выходили изъ двора ни шагу, просили еще все на проѣздъ денегъ, обѣщаясь заѣхать далѣе всѣхъ.

* * *

Я уже слышу, что многïе ропщутъ, говоря: какъ не складно выдумана ета сказка! Не стыдно ли стихотворцу разсказывать намъ такïя бредни, которымъ и ребята едва повѣрить могутъ? можно ли найти гдѣ нибудь такихъ безмозглыхъ дураковъ, каковыхъ стихотворецъ намъ представляетъ? таковыми должны быть несмысленныя твари, а не обитатели нашего свѣта. Другъ мой, не брани пожалуй стихотворца. Посмотри на многихъ Христïанъ, и разсуди по томъ, не вѣроятно ли сïе изображенïе.

XXII. Духовная.

Филемонъ имѣлъ сверхъ великаго своего богатства, благородное сердце, и оставлялъ собственную свою пользу для вспомоществованія другимъ; однакожъ не могъ онъ избѣгнуть зависти, хотя и всемъ сердцемъ старался служить своимъ завистникамъ. Его ненавидѣли два сосѣда, кои безпрестанно его ругали. За что же? За то, что былъ онъ счастливѣе ихъ. Не великое ли ето преступленіе? Друзья совѣтовали ему отмстить имъ за ихъ ругательство. Нѣтъ, сказалъ онъ, пускай ихъ съ завистію ругаютъ; они увидятъ по смерти моей, какое имѣли они право завидовать мнѣ въ такомъ счастіи, которое не многимъ людямъ полезно быть можетъ.

Онъ умеръ оставя послѣ себя духовную, въ которой написалъ такъ: я дѣлаю по смерти моей оставшагося моего имѣнія обоихъ моихъ сосѣдей наслѣдниками, по тому что завидовали они мнѣ въ моемъ имѣніи. Нѣкоторые изъ его друзей проклинали сію духовную, говоря сами себѣ: какъ? развѣ бы мы не могли ему также завидовать? онъ намъ ничего не далъ, а отказалъ все симъ двоимъ?

Оба сосѣды восхищаются радостію видя, что духовную за ними утверждаютъ; сіе сдѣлалось для того, что нѣкому было тогда

вступить съ ними въ споръ, такъ бы оба они ничего не получили. И такъ сдѣлались они наслѣдниками всего имѣнія. Какъ же хвалили они покойника! Онъ былъ самой великодушной человѣкъ и просвѣщеніе своего времени; а всѣ сіи похвалы причинила духовная, по тому что когда онъ былъ живъ, тогда мало достоинствъ они въ немъ находили.

Сосѣды наши сдѣлались теперь безъ сомнѣнія счастливѣе? Можетъ статься. Посмотримъ что они дѣлать станутъ. Одинъ посвящаетъ богатому своему сундуку спокойствіе и жизнь. Онъ стережетъ его съ трясущимися руками, не спитъ тогда, когда другіе въ глубокой сонъ погружаются, и желаетъ со слезами имѣть столько прозорливости, чтобъ воспротивиться хитростямъ воровъ; часто пугаяся страшными сновидѣніями, что будто его обокрали, вскакиваетъ съ постели и прибѣгаетъ въ безпамятствѣ къ тому мѣсту, гдѣ скрыто его сокровище. Онъ мучится безпрестанно старается умножить свое богатство, и предпринимаетъ отдать половину его въ ростъ, но испугавшись отпускаетъ ни съ чѣмъ назадъ того, кому онъ дать въ займы хотѣлъ. Когда онъ былъ бѣденъ, то наѣдался до сыта, а сдѣлавшись богатымъ умираетъ съ голоду; когда рѣжетъ онъ хлѣбъ своимъ домашнимъ, то жалуется на Бога и на дороговизну, и становится

на конецъ имъ несносною тягостїю и себѣ мученїемъ.

Другой сосѣдъ видя сїе, надъ нимъ смѣется. Я, говоритъ онъ, не буду такъ глупъ; что я получилъ, то и проживу и изрядно повеселюся моимъ удѣломъ. Онъ сдержалъ свое слово, и перепустилъ всѣ свои денежки въ чужїя руки; по улицамъ ходитъ уже онъ нынѣ тихохонько пѣшкомъ, по которымъ разъѣзжалъ прежде взадъ и впередъ съ надмѣннымъ видомъ. Ахъ! сказалъ онъ по томъ своему сосѣду: Филемонъ конечно зналъ, что богатство вредно для насъ будетъ, и для того то онъ намъ его и отказалъ. Ты околеваешь отъ скупости съ голоду, а я весь промотался, и такъ мы достойны были имъ владѣть, по тому что ни одинъ не зналъ употреблять его съ пользою.

XXIII. Даметъ и Филлида.

Даметъ давно уже былъ плѣненъ молодою Филлидою, но не могъ получить отъ нея ни взаимной нѣжности, ни поцѣлуя. Онъ усугублялъ всячески свою прозьбу: но суровая сїя красавица никогда ей не внимала.

Онъ пришедши къ ней сказалъ, прийми отъ меня двѣ лѣнточки, и не мучь меня долговременнымъ ожиданїемъ. Обѣщай прекрасная Филлида поцѣловать меня еще нынѣшнимъ лѣтомъ.

Она смотритъ на нихъ, а онъ ожидаетъ своего счастія; но похваливъ ихъ отдаетъ ему обратно.

Онъ обѣщаетъ ей ягненочка, по томъ двухъ, послѣ десять, а послѣ того и все стадо. Какой великой подарокъ! Дорогъ етотъ поцѣлуй. Теперь она конечно согласится. Однакожъ Филлида не взяла ничего, и сказала съ угрюмымъ видомъ: не надобно?

Какъ? вскричалъ разсердившись Даметъ, ты хочешь вѣчно сопротивляться? Хорошо, такъ я самъ теперь цѣловать тебѣ себя запрещаю. Пожалуй не грози, отвѣчала Филлида, я буду въ етомъ тебѣ всегда порукою.

Суровая красавица засмѣялась, а Даметъ пошелъ безъ поцѣлуя къ своему стаду. На другой день заснулъ онъ на своей паствѣ, чрезъ которую идучи Филлида остановилась увидя его спящаго.

Какъ алы, говоритъ она, его губы! Желала бы я на что нибудь отважиться. Ежели бы не было подлѣ его собаки, такъ бы я его поцѣловала. Филлида хочетъ его оставить, но лишь только она отъ него отойдетъ, какъ желаніе принуждаетъ ее опять возвратиться.

Она осматривается кругомъ съ торопливостію, и боится, чтобъ кто ея не примѣтилъ; она ласкаетъ поглаживая его собаку, и манитъ ее отъ него прочь; по томъ осмѣливается по-

дойти къ нему поближе, пока еще робость совсѣмъ ею не овладѣла.

Она уже къ нему подошла; но не можетъ еще осмѣлиться; однакожъ наклонясь вдругъ, тихонько его поцѣловала, и посмотрѣвъ на него, отходитъ въ свои луга.

Какъ сладокъ былъ сей поцѣлуй! Онъ возвращаетъ назадъ Филлиду, которая кажется, что не столько уже, какъ въ первой разъ, робѣетъ, и садится подлѣ Дамета; она цѣлуя его и не примѣтила, что онъ проснулся.

Для чего ты перерываешь сладкой мой сонъ? сказалъ пастухъ со спящими глазами. Я тебѣ не мѣшаю, отвѣчала пастушка, я играю только съ твоею собакою, а тебѣ такъ какъ пастуху не должно быть сонливу.

Однакожъ чѣмъ ты мнѣ заплатишь Даметъ, чтобъ позволила я тебѣ въ шуткахъ поцѣловать себя? Теперь уже поздно мнѣ тебѣ платить, отвѣчалъ пастухъ, а заплати мнѣ ты. По семъ заплатила сія прекрасная пастушка за одинъ поцѣлуй десять.

XXIV. СПОРЩИЦА.

Исмена сверьхъ прочихъ ея качествъ охотница была противорѣчить. Сказываютъ о женщинахъ вообще, что всѣ онѣ жребію сему подвержены; но хотя бы меня вся подсолнеч-

ная вѣ томѣ увѣряла, то я почитаю сіе за одну токмо выдумку, и предѣ всѣми могу сказать, что я етому никакѣ не вѣрю. У меня есть знакомыя женщины, и хотя онѣ очень дурны, однакожѣ называлѣ я ихѣ часто красавицами, для того только, чтобѣ узнать, будутѣ ли мнѣ противорѣчить; но онѣ ничего на ето не отвѣчали, и слѣдовательно неправда, чтобѣ всякая женщина охотница была спорить. Такѣ обижаютѣ же васѣ любезныя красавицы!

Теперь обращаюсь я опять кѣ Исменѣ, про которую сказывали не по ненависти, но вѣ самомѣ дѣлѣ, что лиха она была противорѣчить.

Нѣкогда обѣдала она сѣ своимѣ мужемѣ, и между прочимѣ кушаньемѣ поставлена была на столѣ свѣжая щука. Мужѣ сказалѣ: ежели я не ошибаюсь, душа моя, такѣ щука кажется не очень голуба сварилась. Такѣ! отвѣчала жена, я давно уже то знаю, что какѣ бы я хорошо ни изготовила, однакожѣ ты всегда причину найдешь поставить меня дурою. Я тебѣ сказываю, что щука сѣ лишкомѣ поголубѣла. Хорошо, свѣтѣ мой, сказалѣ ей мужѣ, оставимѣ етотѣ спорѣ, вить онѣ ничего не значитѣ.

Какѣ у Индейскаго петуха, когда увидитѣ онѣ что нибудь красное, ярость вступаетѣ

тотчасъ въ носъ и подбородокъ, кои отъ нея краснѣютъ и синѣютъ и одинъ отъ другаго отдѣляются; злоба сверкаетъ въ его глазахъ, поднимаетъ его крылья, проникаетъ во всѣ перья и становитъ ихъ дыбомъ, а по томъ съ великимъ шумомъ и бормотаньемъ исчезаетъ: подобнымъ сему образомъ побагровѣло Исменино лицо, когда услышала она послѣднія слова своего мужа; жилы ея напряглись кровїю, посоловѣли глаза, посинѣли губы, волосы поднялись дыбомъ и столкнули съ головы ея чепецъ. Она начинаетъ говорить дрожащимъ голосомъ: ей мужъ! я тебѣ сказываю, такъ какъ твоя жена, что щука очень поголубѣла. Послѣ сей рѣчи беретъ она стаканъ и пьетъ. О! пожалуйте не давайте ей пить!

Мужъ ея уходитъ, не говоря ни одного слова; но какъ скоро онъ только вышелъ, то упала она въ обморокъ. Сему неотмѣнно быть надлежало, по тому что она разсердившись пила.

Нечаянной крикъ потревожилъ весь домъ; собравшись начали разгибать ей пальцы и мазать ее бальсамами, но ничто не помогаетъ; стали тереть виски и пулсъ, но не видно ни малыхъ знаковъ жизни. Даютъ ей нюхать жженыя волосья, однакожъ тщетно! она не нюхаетъ; ничто не можетъ уже возвратить ей чувствъ. Послали сказать о семъ мужу, которой пришедъ кричитъ: душа моя, ты уми-

раешь! сносно ли это мнѣ? бѣдной я человѣкъ; ахъ любезная моя супруга, на что я съ тобою спорилъ! о проклятая щука! мнѣ кажется что она не была голуба. Въ тотъ самой мигъ опамятовавшись его жена закричала: перестанешь ли ты говорить, что была она не голуба?

Сила противорѣчій подѣйствовала болѣе, нежели крѣпость спиртовъ.

XXV. Полевой сверчокъ.

Фельтъ навьючилъ нѣкогда столь великой возъ сѣна, что на конецъ тощія его лошади немогли везти далѣе.

Понужденіе его и приговорки, также и повторяемая беспрестанно брань были столь же безсильны при семъ тяжеломъ возѣ, какъ и удары плетью.

Сверчокъ, которой сидѣлъ тамъ на возу, видя сію опасность, соскочилъ внизъ и смѣючись сказалъ: я облегчу сихъ лошадей.

По томъ потащили лошади сей возъ. Ей мужикъ, закричалъ въ восхищеніи сверчокъ, помянешь ты меня. Ну, поѣзжай! я не требую отъ тебя благодарности.

XXVI. Семнонъ и Оракулъ.

Семнонъ наполненный желанiемъ узнать о будущей своей судьбѣ, поспѣшаетъ къ Дельфiйскому храму. Оракулъ отрицаяся открыть ему то, что съ нимъ послѣдуетъ, сказалъ: ты будешь весьма счастливъ; но коль скоро сiе тебѣ откроется, то послужитъ къ твоему несчастiю.

Чтожъ, удовольствовалось ли Семноново любопытство? Ни мало. Но только что желанiе его еще болѣе возрастаетъ. О божество! говорилъ онъ, ежели внемлешь ты прошенiямъ, то подай мнѣ больше свѣденiя объ моемъ счастiи. Вотъ каковъ человѣкъ, что въ одно время и вѣритъ и не вѣритъ. Семнонъ не для того вѣритъ своему счастiю, что божество оное предвѣщаетъ, но для того, что онъ желалъ его прежде, нежели о томъ вопрошалъ. Повѣрилъ ли бы онъ, если бы Оракулъ предсказалъ ему несчастiе? О нѣтъ! вить онъ себѣ того не желаетъ. Онъ помышляетъ уже отвратить несчастiе свое прозорливостiю, и усильно проситъ Оракула открыть его судьбину.

Ты будешь, вѣщалъ ему Оракулъ, по благосклонности твоей жены владѣть скипетромъ и управлять народомъ, которой видалъ тебя и самаго подданнымъ.

Возгордившись симъ отвѣтомъ позабываетъ уже онъ низкое свое состоянiе, и поспѣшаетъ, какъ государь, въ обратной путь; не имѣя еще земли, размѣряетъ уже мысленно пространство своего владѣнiя, и не обладая еще народомъ, повелѣваетъ войску своему обнажить мечи.

Сколь радость его была ни чрезмѣрна, однакожъ сего не довольно было; онъ не знаетъ еще того, въ которое время вступитъ во владѣнiе, и неизвѣстность сiя привела его въ унынiе. Хотя бы я и зналъ, говорилъ онъ самъ себѣ, что скоро достигну престола, такъ не знаю еще того, долго ли я наслаждаться буду царскими веселостями?

Дерзкое сiе сомнѣнiе принудило его приступить еще къ Дельфiйскому Аполлину.

О глупецъ, отвѣчалъ Аполлинъ, счастливы вы смертные, что будущiя времена скрываютъ отъ взоровъ вашихъ божескiе промыслы. Такъ знай же ты, что въ скоромъ времени украситъ тебя великолѣпiе багряницы; но тажъ самая рука, которая взведетъ тебя на престолъ, похититъ оной у тебя съ твоею жизнiю.

Семнонъ прославился послѣ на войнѣ своею храбростiю, и дошелъ чрезъ то изъ низкаго состоянiя до высочайшихъ достоинствъ въ своемъ отечествѣ. Благопрiятная ему судьба

исполнила провѣщанїе Оракула, и онъ сдѣлался при возрастающемъ своемъ счастїи любимцомъ своея Царицы. Она вручила ему свое сердце и тронъ; но тайной страхъ не допускалъ его наслаждаться своимъ счастїемъ и величествомъ. Прелестная его супруга, которыя онъ и боялся и чувствовалъ любовь, наводила на него страхъ и воспламеняла нѣжностїю его сердце. Теперь желаетъ онъ стократно не знать своего предопредѣленїя и горѣть къ супругѣ своей столь же страстно, какъ и она къ нему. Она примѣтивъ мужа своего суровыя поступки, подозрѣваетъ въ его къ ней любви, и умерщвляетъ Семнона тайно ядомъ, повергшимъ его предъ ея ногами.

Скажи мнѣ, человѣкъ, не лучше ли для тебя не знать твоей судьбы?

XXVII. Домъ изъ картъ.

Дитя взявши въ руки карты, вздумалъ состроить изъ нихъ домъ. Онъ продолжая его строить, едва можетъ дождаться той радости, когда сей домъ отдѣланъ будетъ.

Строенїе уже готово. О какая это радость! Но, ахъ! нечаянной ударъ потрясъ вдругъ все сїе зданїе, и разорвалъ всѣ его связи.

Матушка сего дитяти едва почувствуетъ ли столько печали, проигравъ въ ломберъ по-

слѣднюю ставку, сколько почувствовало теперь испужавшееся ея дитя.

Но можно ли прийти отъ сего въ уныніе? Дитя начинаетъ опять съ великимъ жаромъ строить себѣ новой домъ, подобной прежнему.

Поспѣшность преодолѣваетъ его печаль; домъ уже состроенъ такъ какъ и прежде. Сколь велико было дитяти сего удовольствіе, когда увидѣлъ онъ опять свой домъ!

Теперь уже буду я побольше остерегаться, чтобъ не повалился опять мой домъ. Столъ! сказалъ дитя, я велю тебѣ стоять крѣпко, и не шататься!

Домъ стоитъ и не падаетъ, но дитя перестал уже имъ забавляться; онъ хочетъ строить его снова, и тотчасъ повалилъ его самъ.

* * *

Не ропщи на непостоянность благополучія, по тому что не можешь ты проникнуть въ собственное твое сердце; ежели перемѣняются твои мысли, то и вещамъ перемѣняться должно.

Самое удовольствіе, которымъ наслаждаемся мы въ благополучіи, скучно на конецъ бываетъ; но если бы мы всегда были благополучны, то могло ли бы тогда быть для насъ новое удовольствіе?

XXVIII. Нѣжная жена.

Сколь давно и неосновательно принято сїе мнѣнїе, что будто бы въ тебѣ, прекрасной женской полъ! любовь не отъ искренняго сердца происходитъ? Такъ утверждали древнїе народы, и увѣряли въ сей нелѣпости своихъ потомковъ. Оставьте, о мужья, сїе мнѣнїе, и истребите его вовсе; я раскажу для всѣхъ васъ нѣкоторой примѣръ. А ты, которая повелѣваешь мнѣ сїе утверждать, ты приятная любовь, укрѣпи меня, наполни рѣчь мою живостїю и вѣроятностїю, и избери мнѣ столь же нѣжности преисполненную невѣсту, какова была сїя женщина, о которой я пѣснь мою начинаю.

* *
*

Кларина любитъ отъ всего сердца вѣрнаго своего супруга, и лучше его желать не можетъ. Но ежели тебѣ сїе невѣроятно покажется, такъ знай, что отъ того счастливаго дни, въ которой она съ мужемъ своимъ соединилась, не прошло еще году; теперь вѣришь ли ты мнѣ мой другъ?

Кларина не находила ни въ чемъ лучше радости и лучшаго благополучїя кромѣ своего мужа; она любила то, что ему нравилось. чего хотѣлъ мужъ ея, того желали оба; а что ему не нравилось, то и ей не было приятно.

Ты говоришь, желалъ бы я имѣть такую жену: изрядно! и я съ тобой тогожъ желаю. Будь же теперь воспламененъ нѣжностїю; мужъ ея уже занемогъ; можетъ быть она и достанется тебѣ. Онъ уже опасно сдѣлался боленъ, и мучится долгое время злою болѣзнїю; потъ течетъ ручьями по его лицу, но слезы льются по немъ изъ глазъ супруги его цѣлыя рѣки. О смерть! начинаетъ она ужасно кричать, смерть! ежели я могу упросить тебя, такъ возми лучше меня вмѣсто моего мужа. Если бы смерть могла сїе услышать? Она сїе услышала; она внимаетъ Кларинину жалобу, и пришедъ, спрашиваетъ: кто меня кликалъ? Вотъ любезная смерть, кричитъ Кларина, вотъ лежитъ онъ на етой постелѣ!

XXIX. Нѣжный мужъ.

Вы, которыя столь ревнивы и попрекаете мужьямъ всегда непостоянностїю! О женщины преодолѣйте себя, оставьте на вѣкъ ваше заблужденїе. Мы одни только мужья, влюбившись одинъ разъ, продолжаемъ постоянную нашу любовь; вѣрность наша написана на сердцахъ нашихъ. Я слышу, что вы кричите всѣ: докажи ето намъ! Изрядно! и тотчасъ докажу.

* *
*

Захворала нѣкогда любви достойная жена. Чѣмъ? не отъ множества ли желчи? Это старая насмѣшка! Ни одинъ разумной человѣкъ сему больше уже не вѣритъ. Нѣтъ, нѣтъ, женщины всѣ бы сдѣлались больными, ежели бы болѣзнь сія была вредительна. Довольно того, что она очень сдѣлалась больна. Мужъ употребляетъ всякіе способы, какіе только онъ дѣлать можетъ для ея облегченія: онъ старается въ опредѣленное время давать ей порошки, посылаетъ по всѣмъ церквамъ объ ней молиться, и расточаетъ имѣнія своего на то болѣе, нежели обыкновенно бывало, однакожь болѣзнь ея отъ часу умножается. Онъ вздыхаетъ, плачетъ и кричитъ, и желаетъ имѣть участіе въ ея болѣзни. Ахъ жизнь моя, сказала ему жена, перестань ты такъ крушиться! Я умру съ удовольствіемъ, ежели ты дашь мнѣ обѣщаніе въ другой разъ не жениться.

Онъ клянется ей не брать другую. Пускай, говоритъ онъ, мучить меня будетъ твоя тѣнь, ежели я женюся. Послѣ сего умерла его жена съ удовольствіемъ.

Кто можетъ описать сію жестокую печаль, въ которую впалъ нашъ вдовецъ? Онъ не знаетъ въ горести что ему дѣлать; домъ ему уже тѣсенъ, и весь свѣтъ сталъ очень малъ. Онъ проливаетъ надъ женою своей горчайшія слезы; не можетъ ни пить, ни ѣсть;

сонъ бѣжитъ отъ него прочь, и жизнь ему наскучила. Между тѣмъ приходитъ время положить ее во гробъ. Когда стали надѣвать на усопшую подвѣнечное ея черное платье, то подошелъ ко гробу ея мужъ погруженной во слезахъ. Что ето? начинаетъ онъ вдругъ браниться, что ето за чертовщина? Къ чему ето надѣвать на мертвую женщину подвѣнечное платье? Ну ежели я на примѣръ захочу жениться, такъ развѣ мнѣ опять новое дѣлать?

Пожалуйте вы ему не досаждайте, принесите другое платье и дайте бѣдному сему вдовцу отдохнуть; онъ со временемъ одумается.

XXX. Паукъ.

Гордящійся искуствомъ своимъ паукъ, сидя на прозрачной паутинѣ, бросилъ темной свой взоръ на шелковаго червяка; онъ думалъ о себѣ такъ, какъ надутой педантъ, которой почитая высоко свои достоинства, сидитъ зарывшись по уши въ собственныхъ своихъ сочиненіяхъ, и едва удостоиваетъ взоромъ своимъ поклонившагося ему ученика.

Червякъ, котораго принесъ недавно хозяинъ его для забавы въ свой домъ, смотрѣлъ на сего паука долго, и на конецъ спросилъ: что ты такое ткешь? Невѣжа, отвѣчалъ ему

съ досадою паукъ, смѣешь ли ты докучать мнѣ такими вопросами? я тку для вѣчности!

Едва выговорилъ онъ сей грозной отвѣтъ, какъ дѣвка пришедши обметать горницу сбросила его щеткой на полъ, и разорила вѣковѣчное его рукодѣлïе.

* * *

Какъ бы какая наука была ни превосходна, которую разумъ твой постигаетъ, однакожъ она будетъ смѣшна, ежели не принесетъ свѣту никакой пользы. Развѣ не заслуживаетъ, говоритъ педантъ, прилѣжность моя никакой благодарности? Конечно нѣтъ! по тому что ни къ чему болѣе она не служитъ, какъ къ провожденïю времени.

XXXI. ПЧЕЛА И КУРИЦА.

Лѣнивая курица сказала нѣкогда пчелѣ: я признаюсь тебѣ, что съ тѣхъ поръ, какъ начала я тебя знать, вижу что летаешь ты всегда праздно. Ты ни о чемъ больше не думаешь, какъ о твоихъ веселостяхъ; вить ето не великаго труда стоитъ, что перелетывая ты въ садахъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, какъ то съ гвоздики на розы, высасываешь изъ нихъ сокъ. Ежели бы я была на твоемъ мѣстѣ, такъ бы то же самое сдѣлала. Какую ты приносишь другимъ пользу? А мы хотя

не каждой день, однакожъ снабдѣваемъ хозяина нашего яицами.

Перестань ты меня ругать! отвѣчала пчела; что не кричу я при отправленіи моей должности изо всего горла, какъ кричишь ты съ своимъ яицомъ, такъ ты и думаешь, что я ничего не дѣлаю. Улей докажетъ намъ то, кто искуснѣе и трудолюбивѣе, я ли, или лѣнивая курица. Ибо когда мы сидимъ на цвѣткѣ, то не помышляемъ тогда объ нашихъ веселостяхъ; но собираемъ сокъ и дѣлаемъ медъ для услажденія вкуса другихъ. Знай же ты теперь, для чего не поднимаемъ мы великаго шуму, и для чего не кричимъ въ ясные дни принося сокъ въ наши ульи, такъ какъ кричите вы надсѣдаясь; для того что не терпимъ мы гордости. И ежели кто прямо хочетъ насъ узнать, тотъ долженъ разсмотрѣть прилѣжность, искуство и порядокъ въ строеніи нашихъ сотовъ.

Природа одарила насъ также и жаломъ, чтобъ наказывали мы тѣхъ, кои не зная сами ничего, только умничаютъ и презираютъ другихъ; и такъ совѣтую я тебѣ, бѣдная курица, надо мною не смѣяться.

* * *

О ругатель, ты надувшись гордостію и влюбившись самъ въ себя, презираешь стихотворство; тебя научаетъ сей примѣръ. Стихотворство есть смирная пчела. Ежели ты слѣ-

дуешь курицѣ, такъ басня сія точно тебя изображаетъ. Ты говоришь: какую пользу приноситъ стихотворство? оно не дѣлаетъ никакого наставленія. Но можешь ли ты такъ объ ономъ разсуждать? Разсмотри самъ себѣ, къ чему оно полезно: оно научаетъ тебя познавать истинну въ нѣкоемъ образѣ, ежели ты скуднымъ разумомъ своимъ просто постигнуть оную не можешь.

XXXII. Сладкій сонъ.

Сновидѣніе, которое насъ хитро прельщаетъ, обрадовало въ одну ночь Тимона; онъ достигъ во снѣ до такого счастія, о которомъ едва ли помышлялъ на яву. Привидѣлось ему, что изъ постели его показалося великое сокровище. Онъ началъ тотчасъ строить вмѣсто маленькой своей хижины увеселительный домъ. Передняя его наполнилась ласкателями, и онъ сидя не убранъ у камина приказываетъ повелительно тѣмъ, кои его предъ симъ едва удостоивали назвать по имени, чтобъ его дожидались. Красавица опечаливающая его часто на яву своею суровостію совершаетъ уже его благополучіе; ибо во снѣ казалося ему, что она его любитъ. Онъ видя себя въ объятіяхъ Дорисы, началъ во снѣ съ великимъ удовольствіемъ лепетать: о любезная моя Дориса, побѣдилъ ли наконецъ тебя Тимонъ?

Товарищъ его слыша, что Тимонъ бормочитъ во снѣ, намѣряется сдѣлать ему услугу, и хочетъ его разбудить. Ей братъ, кричитъ онъ, не давайся въ обманъ, опомнись; витъ ето ты во снѣ бредишь! О злодѣй, отвѣчалъ съ досадою Тимонъ, какого лишаешь ты меня удовольствія! Ты лишивъ меня сновидѣнія, похитилъ всѣ мои веселости. Пускай ето былъ сонъ, однакожъ я почиталъ его за самую истинну, по тому что я не зналъ объ моемъ заблужденіи.

* * *

Часто мучите вы насъ, любители истинны, вашими услугами; часто бываете вы врагами нашего покоя, сдѣлавшись нашими наставниками. Кто повелѣваетъ вамъ выводить насъ изъ заблужденія, которымъ наслаждается разумъ нашъ съ удовольствіемъ? Заблужденіе сіе, какъ бы мы великимъ его ни почитали, принесетъ намъ меньше вреда, а больше пользы. Кто не полагается на совѣты другихъ, тотъ можетъ завоевать цѣлую половину свѣта. Многіе роды веселостей происходятъ отъ того, когда мы не справедливо объ нихъ разсуждаемъ. Что думаетъ герой на сраженіи? Онъ думаетъ что нѣтъ храбрѣе его во всемъ свѣтѣ. Отдавайте ему справедливость въ его похвалѣ, дабы не потерялъ своея храбрости. Подите и спросите, что думаетъ Аделейда?

Она думаетъ, что мужъ ее вѣрно любитъ. Она ошибается; однакожъ оставьте бѣдную сїю женщину въ ея заблужденїи. Что говоритъ мужъ объ Лизеттѣ? Онъ говоритъ, что она цѣломудренна. Ето не правда, я готовъ удариться объ закладъ; однакожъ молчите, коли вы больше знаете. Что помышляетъ философъ о своихъ сочиненїяхъ? Сочиненїя его, мыслитъ онъ, читаютъ при дворѣ, и что хвалитъ ихъ весь городъ· Ложь; однакожъ оставьте его въ семъ заблужденїи, чтобъ не лишить его охоты къ дальнему размышленїю. Разсмотрѣвъ всю человѣческую жизнь, скажите мнѣ, что побуждаетъ насъ къ великимъ дѣламъ? что подаетъ намъ спокойствїе и утѣшенїе? Часто одна только мечта и приятныя мысли. Довольно того, что мы оными наслаждаемся! Пускай прельщаетъ насъ одинъ только видъ! Но ежели исчезнутъ совсѣмъ наши заблужденїя, то уже весьма скучно быть человѣкомъ.

XXXIII. ПРОХОЖIЙ.

Прохожїй просилъ во время жестокой бури бога боговъ Зевеса ниспослать тихую погоду и солнечное сїянїе. Но тщетно! Зевесъ прошенїю его не внемлетъ; воздухъ разрывается дождемъ и вѣтромъ, по тому что въ тотъ день назначено быть великой бурѣ.

Пѣшеходецъ продолжаетъ съ несносною досадою трудной свой путь и произноситъ великія жалобы, что Зевесъ безъ причины такъ мучитъ людей. При каждомъ поднявшемся новомъ вихрѣ, которой вдругъ удерживалъ его ходъ, порицалъ онъ его новыми хулами.

Онъ увидѣвъ въ близи предъ собою лѣсъ, поспѣшалъ войти въ оной и укрыться отъ дождя и бури; но не успѣлъ еще къ нему подойти, какъ увидѣвъ идущаго къ себѣ разбойника, остановился отъ страху подъ дождемъ.

Разбойникъ ухвативъ ослабѣвшій отъ сырости свой лукъ и намѣтивши, пустилъ стрѣлу въ прохожаго; однакожъ по причинѣ противнаго вѣтра и дождя, вмѣсто того, чтобъ пронзить ему сердце, упала она слабо у ногъ его.

О глупецъ! сказалъ ему со гнѣвомъ Зевесъ, научитъ ли тебя предлежащая сія стрѣла, что бури съ добрымъ намѣреніемъ я нисъпосылаю? Ежели бы сдѣлалъ я для тебя солнечное сіяніе, тобъ удержанная сія бурею стрѣла лишила тебя жизни.

XXXIV. ДОСТИГНУВШІЙ ЖЕЛАНІЯ ЛЮБОВНИКЪ.

Величайшій порокъ въ любви, юноша, есть боязливость; поможетъ ли тебѣ приятная страсть, когда соединена она съ безмолвною робостію? Ты любишь, но не смѣешь открыться въ томъ твоей красавицѣ, и чего языкомъ изъяснить не можешь, то изъявляешь ты ей только глазами. Ты предлагаешь съ подобострастною тихостію сердце свое твоей любезной, и желаешь чтобъ она почувствовала то, чего ты словами изъяснить не можешь. Ты продолжаешь почитать и выхвалять ее съ благопристойностію, а она чувствуя сіе утомляетъ тебя, и ожидаетъ твоей постоянной любви. Она показываетъ тебѣ глазами, сколь приятны ей таковые твои поступки; сперва понравится ей твое поведеніе, а по томъ и ты самъ. Смѣйтесь сему трусливому любовнику; цѣлой уже проходитъ годъ, но что получилъ онъ въ награжденіе за его трудъ? Онъ смѣетъ только еще говорить съ нею объ любви, и отваживается въ перьвой разъ поцѣловать ее. Цѣлой годъ! и столь мало имѣетъ онъ еще успѣха! въ самомъ дѣлѣ это смѣшно. Для чегобъ не сказать ему при первомъ взглядѣ? душа моя, я тебя люблю! Я похваляю васъ, молодые герои, что не изнуряете вы

себя долгимъ страданіемъ; какъ скоро появитесь вы предъ красавицами, то уже тотчасъ онѣ въ васъ и влюбляются. Для подкрѣпленія вашей отважности, которую чувствуете вы при вашей любви, разскажу я вамъ объ одной побѣдѣ, которую одержалъ Есминъ въ короткомъ времени.

* * *

Нѣкто молодой человѣкъ охотно позволялъ, чтобъ всякая красавица могла имѣть честь любить его и цѣловать. Онъ увидѣвъ Сильвію въ окошкѣ плѣнился ея красотою, и крѣпко предпринялъ склонить ее къ себѣ въ любовь. Есминъ не спитъ до полуночи, прочитываетъ любовныя сказки, и вымышляетъ любовное письмо, которое составилъ онъ изъ двадцати писемъ наполненныхъ нѣжнѣйшими страстями. Письмо сіе онъ послалъ, и помощію его кошелька вручено оно исправно. Однакожъ отвѣту еще не получаетъ. Есминъ беретъ въ огорченіи своемъ бумагу, и пишетъ къ ней другое письмо. Онъ упрекаетъ красавицу свою причиненнымъ ему мученіемъ; говоритъ ей о строгой ея любви, о прелестныхъ ея глазахъ подвергающихъ его толикому страданію, о врожденной ей тигровой свирѣпости, объ окаменѣломъ ея сердцѣ и о лучахъ надежды въ ея любви, и на конецъ клянется ей, что ежели не умягчитъ она своего же-

стокосердія, то лишится онъ изъ любви къ ней жизни.

Не робѣй Есминъ! запечатай твое письмо и пошли. Не успѣетъ еще пройти сей день, какъ сердце твоей красавицы отъ наполненнаго любовнымъ пламенемъ твоего письма умягчится, и будетъ столь же мягко какъ сей сургучъ отъ огня, коимъ ты теперь печаталъ. Письмо послано и отдано исправно. Есминъ возсылаетъ молитвы Венерѣ, но отвѣта еще не получаетъ. Кто етому не удивится! Конечно дѣвушка ета имѣетъ каменное сердце; но и то сказать: не подсѣчешь дерево однимъ ударомъ. Я не сомнѣваюсь, чтобъ красавица не полюбила его; суровость ея ни что иное, какъ желаніе читать отъ него болѣе писемъ. Можно ли ей его убѣгать, и, видя его не давно распудрена, не прельститься на богатой его камзолъ?

Я знаю еще способъ, которой, можетъ быть, счастливо удастся. Можно стихами приводить въ восхищеніе. Напиши ты къ ней, Есминъ, стихами, и ежели ты ими не побѣдишь, то уже ничемъ ее побѣдить не можно. Онъ послѣдуетъ совѣту. Пожелайте со мною, чтобъ удалось ему подобрать хорошія риѳмы! Смотри пожалуй, какую сочинилъ Есминъ остроумную пѣсню! Такъ уже о прозѣ его не

иное что подумать можно, какъ что она столь же была высокопарна и замысловата?

Лишь только прочитала Сильвія геройскую его пѣснь, то и прислала тотчасъ отвѣтъ. Представь себѣ сколь Есминъ сему обрадовался, и съ какою нетерпѣливостію подбѣжалъ онъ къ служанкѣ, которая принесла ему письмо! Лукавая сія дѣвка поздравила его съ веселымъ видомъ. Онъ взявъ въ восхищеніи письмо сіе въ руки, горитъ желаніемъ знать содержаніе онаго, и отъ горячей любви не можетъ еще рѣшиться сорвать съ него печаль; онъ прижимаетъ его къ сердцу и стократно цѣлуетъ. Служанка получа отъ него пистоль обѣщалась служить ему вѣрно. Но чтожъ написано было въ семъ письмѣ, какъ Есминъ съ радостію его распечаталъ? только сіе: государь мой, ты глупъ!

XXXV. Счастливымъ сдѣлавшійся мужъ.

Фронтинъ влюбился смертельно въ Аннушку, по тому что она была великая красавица. Но чѣмъ лукавыя сіи дѣвушки бываютъ прекраснѣе, тѣмъ труднѣе приобрѣсть ихъ любовь. Фронтинъ довольно сіе испыталъ. Онъ любитъ ее четвертой уже годъ, но всѣ труды его тщетны. Чтожъ онъ сдѣлалъ на конецъ?

Онъ отправился въ путь на Блокскую гору и (можетъ ли что быть сего злѣе!) заключаетъ съ нечистымъ духомъ договоръ, по которому обязуется служить ему два года, ежели женится онъ, помощїю его, на Аннушкѣ. Они тотчасъ согласились, и, подписавши договоръ, ударили рука въ руку. Хотя сей сатана и часто людямъ лгалъ, да и самого доктора Фауста обманывалъ, однакожъ онъ устоялъ въ правдѣ, и помогъ Фронтину жениться на Аннушкѣ.

Не прошло еще послѣ свадьбы мѣсяца, какъ Фронтинъ призываетъ къ себѣ опять мрачнаго сего духа. Ахъ! сказалъ онъ увидя его, любезной мой злой неприятель, смѣю ли я утрудить тебя еще одною прозьбою? Я обѣщался служить тебѣ два года за Аннушку, жену мою, что и исполню съ точностїю; но ежели ты возмешь ее отъ меня назадъ, то я еще сверхъ того годъ тебѣ выслужу. Духъ на сїе не соглашается. Фронтинъ обѣщаетъ ему выслужить уговорной срокъ вдвое; ибо, говорилъ онъ самъ себѣ, сколь ты ни золъ, однакожъ знаю я, что Аннушка еще и тебя злѣе.

XXXVI. Усердное посѣщение.

Нѣкто имѣющїй острую голову и бодрой духъ, однимъ словомъ, нѣкто изъ такихъ

людей, которые по склонности своей к новостям никогда не разсуждают, а беспрестанно говорят и принужденно желают, чтоб сдѣлать умнаго дураком; такой то краснобай пришел нѣкогда посѣтить стихотворца. Ах, вскричал он, какую имѣеш ты скучную жизнь! как? не уже ли не дремлешь ты сидя над книгами? Так ты будучи дома один конечно читаешь только от скуки? Я думаю, что это правда, и для того то я так скоро к тебѣ и бѣжал.

Стихотворец ему отвѣчал: я никогда один дома не сиживал, выключая только это время, в которое ты тепер у меня.

XXXVII. Бѣдной и богатой.

Арет добродѣтельной человѣк, которой кромѣ денег и деревень ни в чем недостатка не имѣл, находясь в несносных долгах, просил счастія о вспоможеніи. Счастіе надѣляющее иногда и самых достойнѣйших людей скупо своими дарованіями, услышав его прошеніе, вознамѣрилось подать помощ честному сему человѣку, и открыло ему в сокровенном мѣстѣ зарытое скупостію сокровище. Он освободился от своих должников; но не менѣе нашел он тепер затрудненія избавиться, вмѣсто их, от ласкателей. Ни пьет

и не ѣстъ онъ безъ того никогда, чтобъ не подвернулся къ нему льстецъ съ распростертыми руками, чтобъ не спрашивалъ съ жадностїю о его здоровьѣ, и не мучилъ бы его учтивымъ и притворнымъ образомъ похвалами и превозношенїемъ, а все сїе для того, чтобъ имѣть участїе при его столѣ.

О счастїе! вскричалъ тогда Аретъ, я вижу, что и бѣдность и богатство несносны, и ежели все мое благоразумїе не можетъ меня защитить отъ ласкателей, такъ пускай мучатъ меня по прежнему мои должники, нежели любятъ льстецы. Отъ тѣхъ бывалъ я иногда спокоенъ, а сїя несносная ватага беспрестанно меня тревожитъ.

XXXVIII. *Дамоклъ.*

Не думайте, чтобъ тираннъ при величайшемъ своемъ счастїи могъ почитать себя счастливымъ. Онъ трясется и въ то самое время, когда наслаждается плодомъ своея власти. При всей его великости мучится онъ смертельнымъ страхомъ, и ни что ему столь не приятно, какъ дражайшее убожество.

Дамоклъ будучи льстецомъ, превозносилъ счастїе Дїонисїя Тиранна, и доказывалъ блистанїемъ наружныя чести и великимъ изобилїемъ народа и золота, что Тираннъ пользует-

ся неизреченнымъ благополучіемъ. Діонисій ему сказалъ: хотя ты и восхищаешься моимъ благополучіемъ, однакожъ ты не знаешь еще его совершенно; ежели бы пользовался имъ ты, то сколь бы много оно тебя увеселило! Хочешь ли ты побыть на моемъ мѣстѣ? Со всею охотою! отвѣтствовалъ ему Дамоклъ.

Тотчасъ поставили ему золотой стулъ, на которой сѣвши разсматриваетъ онъ Царское великолѣпіе изобрѣтенное гордостію и сластолюбіемъ. Пурпуръ украшалъ всѣ стѣны, столъ изобиловалъ золотыми сосудами, въ которыхъ пѣнилось вино на подобіе жемчугу. Лишь только махнетъ онъ рукою, то бросятся двадцать человѣкъ, чтобъ учиниться достойными высокаго его повелѣнія. Какъ скоро молвитъ слово, то побѣжитъ толпа пажей, стараяся пріобрѣсть похвалу въ исполненіи его желанія.

Утопая въ роскошахъ, и восхищаяся славою, почитаетъ себя Дамоклъ счастливымъ. О величество, вскричалъ онъ, могу ли я наслаждаться тобою вѣчно! Но, ахъ! что онъ вдругъ увидѣлъ? Онъ увидѣлъ, что острый мечъ виситъ на волоскѣ надъ самою его головою и угрожаетъ ему опасностію, наполнивъ сердце его несказаннымъ страхомъ. Счастливецъ начинаетъ дрожать; онъ не прельщается уже больше ни великолѣпіемъ чертоговъ, ни вкусными винами наполняющими золотые сосу-

ды; сладкія яствы ему противны и приятной гласъ музики становится ему не внятенъ. Ахъ! начинаетъ онъ съ ужасомъ кричать: избавь меня, о Діонисій отъ наслажденія долѣе симъ счастіемъ.

XXXIX. Двѣ собаки.

Ежедневно видимъ мы, что самыя лучшія дарованія весьма мало почитаемы бываютъ, и что большая часть свѣта признаваетъ худое вмѣсто добраго; но чѣмъ же отвратить сіе заблужденіе? Я сомнѣваюсь, чтобъ злоупотребленіе сіе извержено было изъ нашего свѣта. Одинъ только къ сему способъ находится, но и тотъ чрезвычайно труденъ; онъ состоитъ въ томъ, чтобъ дураки сдѣлались разумными; однакожъ сего никогда не сдѣлается. Они не могутъ знать истиннаго достоинства вещей, и, разсуждая не разумомъ, но глазами, предпочитаютъ имъ всегда бездѣлицы, по тому что они о лучшемъ никакого понятія не имѣютъ.

* * *

Двѣ собаки служили одному господину. Одна изъ нихъ называемая Жоли довольно имѣла искуства подласкаться, за что ее всякой видя любилъ. Она носила поноску и играла съ великою шалостію. Шутки ея хвалили, и

удивляяся ея скачкамЪ говорили: посмотрите какЪ она проворна! Часто она и кусалась, когда ее ласкали, по тому что имѣла она злобное сердце; но послѣ сего начинала опять льстить, по чему и почитали кусанье ея остроумною шуткою. Она была труслива и беспутна; хотя лаяла и вижжала она и не во время, однакожЪ всѣ домашніе были кЪ ней благосклонны, и называли ее забавною Жоли, по тому что играла она сЪ Лизеттою и бѣгала за нею вездѣ. Онѣ препровождали вмѣстѣ время: вмѣстѣ спали, шутили и веселились; однакожЪ Лизетта превосходила ее разумомЪ.

Другая собака называемая Фидель была совсѣмЪ другаго сложенія, она не имѣла способности ни кЪ замысламЪ, ни кЪ шуткамЪ, а видно было вЪ ней болѣе важности. Она охраняла вѣрно домЪ и ходила часто на охоту, была надежна и смѣла при опасности и лаяла только тогда, когда была вЪ томЪ нужда. Она умерла, и такЪ не сожалѣя ни мало обЪ ней, выбросили ее сЪ презрѣніемЪ. Послѣ сего умерла и Жоли. Сколько пролито было надЪ нею слезЪ! Не токмо что весь домЪ, но и всѣ сосѣды изЪявляли обЪ ней свое соболѣзнованіе.

* *
*

ЗолотникЪ остроумія дороже пуда добросердечія.

XL. Селинда.

Селинда прекраснѣйшая дѣвица своего времени, украшенная приятностями, подобная утренней зарѣ и прекраснѣе яснаго дня, приказываетъ списать съ себя портретъ. Послѣ сего отдумываетъ; но живописецъ до тѣхъ поръ ее просилъ, пока она на конецъ согласилась, и онъ обѣщалъ изобразить ее со всякою точностію. Она спрашиваетъ, сколько дать ему за труды? на что онъ отвѣчалъ, что ничего съ нея не возметъ, а хотя что и потребуетъ, такъ развѣ нѣсколько поцѣлуевъ.

Сколь Селинда была хороша, то такъ точно, а не лучше была и написана; живописцу удалось изобразить хорошо и самыя маленькія черты, и портретъ сей былъ столь вѣренъ и красивъ, что приводилъ всѣхъ въ удивленіе; онъ былъ столь плѣнителенъ, что живописецъ самъ его цѣловалъ, когда жена его съ нимъ не сидѣла.

Художникъ принесъ прекрасной сей портретъ къ Селиндѣ, которая посмотрѣвъ на него изумилась и бросила. Возми ету картину назадъ, сказала она живописцу, ты ошибаешся другъ мой, ето лицо не мое. Кто велѣлъ тебѣ украсить его толикими прелестями и приятностями? Ротъ совсѣмъ у меня не такой, и окладъ лица на меня не походитъ.

Возми ее къ себѣ; я не желаю быть лучше, какова я въ самомъ дѣлѣ. Можетъ статься хотѣлъ ты изобразить Венеру, такъ пускай она тебѣ и заплотитъ.

Конечно одна ты и есть, свѣтъ мой, что будучи прекрасна, не хочешь называться красавицею? Сколько я ни знаю женщинъ, кои хотя въ самомъ дѣлѣ дурны, однакожъ принуждаютъ называть себя насильно прелестницами.

Живописецъ взялъ портретъ, и не говоря ни слова, вышелъ такъ какъ свойственно художнику, съ сердитымъ видомъ. Чтожъ онъ будетъ дѣлать? Не уже ли отважится пожаловаться на такую красавицу.

Онъ пожаловался, и Селинда позвана на судъ. Сдѣлайте господа судьи съ нею милостивое рѣшенїе! Не поступайте съ нею строго; хотя она и виновата, однакожъ поступокъ ея благороденъ. Вотъ уже пришла и Селинда! Кто видалъ болѣе приятности? Весь совѣтъ пришелъ въ изумленїе видя сїю красавицу, и изумленїе сїе принудило ее почитать. Каждой изъ престарѣлыхъ сихъ судей старался скрывать на лбу своемъ морщины; всѣ смотрѣли на портретъ, а болѣе того еще на подлинникъ, и всѣ кричали, что портретъ похожъ точно. Ахъ, вскричала Селинда покраснѣвъ, могла ли я етаго надѣяться! Онъ

изобразилъ меня гораздо лучше, и ласкателямъ платить я не намѣрена.

По томъ сказалъ судья Селиндѣ: ни какой живописецъ лучше сего изобразить тебя не можетъ. Онъ исполнилъ свою должность, и ты должна заплатить ему съ извиненіемъ. Но что ты не надмѣнна своею красотою, то не будешь отпущена изъ сего мѣста безъ награжденія; мы надѣляемъ тебя приданымъ изъ общей казны въ награжденіе за твою скромность.

О премудрый человѣкъ! не можетъ никто положить лучше твоего приговора; ты заслуживаешь вѣчную похвалу, и ежели бы ты былъ молодъ, то достоинъ бы былъ Селинды. Селинда вышла, и похвала слѣдовала за ней. Всегда говорили объ ней, когда разговаривали о красавицахъ; и чѣмъ болѣе она сомнѣвалась, что не имѣетъ столько красоты, тѣмъ болѣе ее хвалили.

* * *

Чѣмъ менѣе разумной собою хвалится, тѣмъ болѣе люди его почитаютъ.

XLI. Кладъ.

Больной отецъ призвавъ передъ смертїю къ себѣ своего сына сказалъ: я оставляю тебѣ мое сокровище, которое сохранено мною

съ давнаго времени; оно лежитъ . . . . Тутъ отецъ его уже и умеръ. Въ какое пришелъ тогда сынъ изумленіе! Сокровище! сказалъ мнѣ батюшка, сокровище' но гдѣжъ мнѣ его сыскать? Онъ призвавши людей, кои умѣютъ искать кладовъ, велитъ имъ разрывать гумна и овины, копать въ саду и на дворѣ, однакожъ кладъ не находится.

По многихъ тщетныхъ трудахъ отпускаетъ онъ работниковъ, принимается искать самъ во всѣхъ покояхъ, и находитъ его съ легкимъ трудомъ подъ поломъ въ отцовой спальнѣ. Какую же почувствовалъ онъ радость!

* * *

Я думаю, что тотъ скорѣе можетъ найти истинну, ежели кто съ меньшимъ трудомъ искать ее старается. Онъ сыщетъ ее гораздо съ лучшимъ успѣхомъ, когда не думаетъ, что глубоко она отъ него сокрыта. Хотя она и сокровенна, однакожъ не такъ далеко, чтобъ искавъ ее, засыпалъ ты себѣ глаза пылью, роясь въ кучѣ гнилыхъ и темныхъ книгъ. Не надѣйся на чужіе труды, а ежели будешь чаще и прилѣжнѣе искать самъ, такъ найдешь. Истинна, любезный мой другъ, которая для благополучія нашего всѣмъ намъ необходима, и которую даровалъ намъ премудрый Творецъ, недалеко отъ насъ находится и не глубоко сокрыта.

XLII. МОНИМА.

Монима приобрѣла красотою своего лица и благоразумїемъ похвалу отъ Грецїи; многїя сластолюбивыя сердца, прельщаяся ея взоромъ, со стыдомъ отъ нея отходили. Она была прекрасна и имѣла столько же непорочности въ своемъ сердцѣ, сколь взоръ ея былъ живъ и проницателенъ. Самая та добродѣтель, которою защищалась она отъ страстныхъ выраженїй ея любовниковъ, принуждала ихъ ее почитать. Хотя она была низкаго происхожденїя и имѣла при томъ довольно нѣжности, однакожъ окружающїе ее льстецы не могли поколебать ея добродѣтели. Но подарки на все склонить могутъ! Предстательство дорогихъ каменьевъ и краснорѣчїе золота перемѣнятъ ея мысли.

Понтїйскїй Царь, великїй Митридатъ, предлагаетъ Монимѣ воспламененное любовїю къ ней сердце, и воздыхая предъ ней, проситъ ее въ любви его соотвѣтствовать. Лестная надежда! Не уже ли при семъ счастїи не разрушится ея добродѣтель?

Государь, сказала ему съ бодростїю Монима, я вижу, что ты ко мнѣ страстенъ, и почитаешь малыя мои прелести, кои я въ себѣ имѣю; за сїе украшенїе моея юности благодарю я природѣ; она надѣлила меня красотой, а я приобрѣла сверьхъ того еще и добродѣ-

тель. Первое дарованіе не дѣлаетъ меня надмѣнною, а послѣднее меня ободряетъ; и такъ хотя ты и Государь, однакожъ стараніе твое тщетно! Я не умножу число подкупленныхъ наложницъ, а ежели сдѣлаешься ты мнѣ мужемъ, такъ ты получишь мое сердце.

Столь непреклонна осталась ея добродѣтель. Ни Царское достоинство, ни прозьбы Царевы, ни богатой подарокъ, ни искуство и хитрость придворная не могли ее уловить. Государь сей принужденъ былъ предложить ей за ея сердце Царскій вѣнецъ.

Какое рѣдкое счастіе возвыситься отъ низкаго происхожденія до Царскаго престола! Сколь долго, о великое счастіе! будешь услаждать ты ея сердце?

Митридатъ надѣется еще разъ побѣдить Римъ; онъ оставляетъ объятія Монимы, и начинаетъ войну. Но вмѣсто того, чтобъ побѣдить, такъ какъ онъ надѣялся, бѣжитъ назадъ побѣжденный; Римляне преслѣдуютъ ему вооруженною рукою, и покоряютъ земли его въ свою власть. Однакожъ гордые Римляне не получатъ Мониму, супругъ отдаться ей не позволяетъ, и приказываетъ ей чрезъ своего невольника лишиться жизни.

Такъ величество, вскричала она, возвысящее меня за похищенное мое спокойствіе до Царскаго вѣнца, въ которомъ будучи я не лю-

бима, мучилась раскаянїемъ, что не избрала себѣ соотвѣтствующаго моему состоянїю мужа; такъ развѣ за то лишаетъ оно меня жизни? Она срываетъ съ головы своей уборъ, чтобъ умереть съ гордостїю, и поспѣшаетъ удавить себя своею короною, но слабая лѣнта не могла удовольствовать ея желанїя; она перервалась и воспротивилась сдѣлать ей сїю печальную услугу. О украшенїе! кричитъ она, предуготовившее мнѣ мученїе, ты ли не хочешь оказать мнѣ теперь горестнаго повиновенїя? По томъ бросивъ сїю корону топчетъ ее въ ярости ногами, и, взявши кинжалъ, лишаетъ себя жизни.

XLIII. БЕЗСМЕРТНЫЙ ПИСАТЕЛЬ.

Нѣкоторой писатель издавъ великое множество книгъ, сдѣлался удивленїемъ своего времени; сочинители росписей издаваемыхъ книгъ почтили его вѣчною славою. При достохвальной своей жизни видѣлъ онъ въ шестой уже разъ издаваемые свои труды, да и самого себя при заглавїи книгъ съ глубокоученымъ лицемъ и въ Шпанскомъ парикѣ напечатаннаго. Онъ остался безопасенъ отъ хулителей, и писалъ до самой кончины своей жизни. Роспись его книгамъ, полагая въ то число и маленькїя сочиненїя, составляла при описанїи его жизни три листа и три страницы.

По смерти сего мужа читали сочиненія его со вниманіемъ; но по прошествіи десяти лѣтъ позабыли совсѣмъ о семъ великомъ человѣкѣ, и достохвальныя его расположенія мыслей стали называть трусливою сухостію. Онъ славенъ былъ тѣмъ, что прежде нежели попался онъ въ руки знатоковъ, похваляли его площадные писцы.

* * *

Славнымъ сдѣлаться тотчасъ можно, лишь бы только много написать для слабыхъ умовъ; но ежели сдѣлаться великимъ между потомками, то требуется къ сему чего нибудь другаго побольше, нежели скуднаго духа съ строгимъ расположеніемъ.

XLIV. Зеленой осел.

Сколь часто можетъ пристыдить дуракъ безумными своими поступками многія тысячи глупыхъ! Неранъ, разумной дуракъ, выкрасилъ осла краскою; ноги красною, а прочее тѣло зеленою. Онъ повелъ его по улицамъ, и великое множество народа, старыхъ и малолѣтныхъ, его окружило. Какое чудо! кричитъ весь городъ, оселъ зеленъ какъ чижикъ, и съ красными ногами! Лѣтопись неотмѣнно должна увѣдомить потомковъ нашихъ о приключившейся въ наши времена удивительной

сей вещи! Улицы не проходимы были отъ множества народа, подымали окны и взлазили на кровли, по тому что всѣ хотѣли видѣть зеленаго осла, но по причинѣ тѣсноты, не всѣ могли за нимъ слѣдовать.

Первые два дни ходили за осломъ съ великимъ удивленіемъ. Больные чувствовали тогда облегченіе отъ болѣзни, когда слушали они о зеленомъ ослѣ. Няньки желая усыпить дѣтей, не пѣли уже имъ болѣе про черную свѣчку, а какъ скоро лишь запоютъ про зеленаго осла, то дѣти тотчасъ и засыпаютъ.

Едва прошло три дни, спала уже честь съ бѣдной сей скотины. Народъ не имѣлъ уже ни малаго желанія видѣть его болѣе, и сколь онъ съ начала удивителенъ казался, столь на конецъ у всѣхъ сталъ въ забвеніи.

Какъ бы какая вещь гнусна ни была, но

* *
*

ежели она новая, то народъ съ удовольствіемъ на нее смотритъ. Онъ взирая на нее удивляется. Ни какой разумной человѣкъ не можетъ его отъ того отвратить. Одно только время печется о истребленіи сей глупости; оно довольно имѣетъ искуства учить дураковъ, хотябъ они того и не желали.

XLV. Мѣщанинъ здѣлавшійся барономъ.

Скупаго отца гордый сынъ сдѣлался по смерти его господиномъ надъ миліономъ, и получилъ за деньги въ скоромъ времени баронской чинъ. Онъ вознамѣрился представлять собою великую особу, и хотя внутреннихъ достоинствъ онъ не имѣлъ, однакожъ дѣлалъ гораздо удачливо величавыя тѣлодвиженія, подражая знатнымъ боярамъ. То желаетъ онъ вступить въ чинъ статскаго человѣка, чтобъ имѣть короткое обхожденіе съ Государемъ, то хочетъ онъ достигнуть счастія, сдѣлавшись побѣдоносцымъ воиномъ, и увѣнчать себя лаврами на подобіе Евгенія. Однимъ словомъ, онъ не могъ рѣшиться, гдѣ лучше пріобрѣсть себѣ знатность, въ войнѣ ли, или въ дѣлахъ гражданскихъ.

Однакожъ онъ уже баронъ, достоинство его миліонъ блистаетъ къ удивленію всѣхъ людей въ скороходахъ его и гайдукахъ. Онъ набралъ цѣлую почти половину города въ свою службу, одѣлъ свиту свою въ богатое платье, и сидя въ великолѣпной своей каретѣ бодрился болѣе, нежели впряженныя подъ нее лошади.

Онъ былъ Меценатомъ льстецовъ. Подлецы ползая у ногъ его для полученія милости,

и похваляя безстыднымъ образомъ все то, что онъ по гордости своей ни сдѣлаетъ, принимаемы были въ число тѣхъ друзей, кои объѣдали его и окрадывали, и обманывая его въ тожъ самое время ему говорили, что имѣетъ онъ глаза Арговы.

Чего еще надобно кромѣ гордости и неразумія для промотанія миліона? Не можетъ быть сохранно такое сокровище, которое находится въ рукахъ юноши предавшагося сластолюбію, роскоши и гордости. Господинъ баронъ при великомъ своемъ богатствѣ позабылъ уже статскіе и военные чины, и употребляя остроуміе свое въ мотовствѣ, увидѣлъ въ скоромъ времени имѣніе свое въ чужихъ рукахъ; онъ умеръ бѣдно и неславно. Симъ подтвердилъ онъ правило, что отцы ненавидятъ дѣтей своихъ, ежели они кромѣ богатства ничего имъ не оставляютъ.

XLVI. Бѣдный корабельщикъ.

Бѣдный корабельщикъ будучи по уши въ долгахъ жаловался на свою бѣдность Филету. Государь мой, сказалъ онъ ему, дай мнѣ въ займы сто гульденовъ, но для безопасности не имѣю я никакого заклада, кромѣ добраго сердца. Однакожъ окажи мнѣ свое милосердіе и ссуди меня оными на одинъ годъ.

Филетъ избавитель въ опасности и покровитель всѣмъ бѣднымъ отчелъ ему съ радостію деньги. Вотъ, сказалъ онъ, возми и употребляй ихъ безъ заботы; я радуюсь, что могу тебѣ услужить, и зная что ты доброй человѣкъ, даю тебѣ безъ росписки.

Прошелъ уже годъ, проходитъ и другой, а корабельщикъ не является. Что? не уже ли онъ обманувши Филета, хочетъ быть гражданиномъ? Можетъ статься.

Но нѣтъ. Вотъ онъ уже и пришелъ. Благодѣтель мой! говоритъ онъ, не печалься, я уже всѣ долги мои расплатилъ; вотъ тебѣ двѣсти гульденовъ, кои я приобрѣлъ твоими деньгами. Я вручаю ихъ тебѣ съ благодарностію; великодушіе твое неоцѣненно.

Я не помню, отвѣчалъ Филетъ, чтобъ когда я тебѣ давалъ деньги. Вотъ моя счетная книга, я въ нее посмотрю; однакожъ я напередъ знаю, что тебя въ ней нѣтъ.

Корабельщикъ смотря на него изумился, замолчалъ и запечалился по тому, что Филетъ денегъ у него взять не хочетъ. Онъ побѣжавши домой принесъ еще больше денегъ. Вотъ, сказалъ онъ, еще сто гульденовъ, остатокъ всего моего приобрѣтенія! Возми ихъ, и удостой меня имени благодарнаго человѣка. Я теперь весьма радъ, что не имѣю долговъ, и за сіе счастіе тебя благодарить долженъ; но

ежели хочешь ты сдѣлать мнѣ великую милость, такъ ссуди меня опять пятьюдесятью гульденами.

Возми всѣ твои деньги, сказалъ Филетъ, и пользуйся твоимъ приобрѣтенiемъ: человѣкъ, каковъ есть ты, сдержавшiй свое слово и увѣренiе, достоинъ за сiе владѣть ими. Будь ты моимъ другомъ. Деньги сiи принадлежатъ тебѣ; моихъ только тутъ сто гульденовъ, кои я отдаю твоимъ дѣтямъ.

* * *

Человѣкъ! Старайся заслуживать благоволенiе другихъ, ибо ничто такъ тебѣ ненужно какъ быть достойнымъ любви. Спѣши съ удовольствiемъ помогать ближнему, которой восчувствуя твое великодушiе не менѣе и самъ благодаренъ тебѣ будетъ.

XLVII. Судьба.

О человѣкъ! для чего стараешся ты испытать тѣ судьбы, коими Творецъ мiръ управляетъ? Можетъ ли ограниченной твой разумъ постигнуть тѣ предприятiя, коими воля непостижимаго располагаетъ? Не зная совершенно о прошедшихъ, и не имѣя никакого понятiя о послѣдующихъ приключенiяхъ вещей, можешь ли ты разсмотрѣть основательно то, для чего что бываетъ? Что провидѣнiе упра-

вляетЪ праведно всѣми своими судьбами, што сего ты вЪ самомЪ дѣлѣ не всегда примѣтить можешь; но ежели хочешь ты узнать причину каждаго его исполненія, такЪ ты долженЪ быть ему равенЪ. Будь доволенЪ почитаніемЪ его воли, которую проникнуть разумЪ твой есть безсиленЪ; научись изЪ Еврейскаго примѣра, что неиспытанность положена для премудрыхЪ причинЪ, и хотя что покажется тебѣ злымЪ, однакожЪ судьба справедливо располагаетЪ.

* * *

Когда Моисей, представЪ предЪ Бога на горѣ, просилЪ его о лучшемЪ познаніи вѣчныхЪ судебЪ нами управляющихЪ, тогда повелѣлЪ онЪ ему посмотрѣть сЪ сей горы вЪ долину, по которой протекалЪ чистой источникЪ. ВсадникЪ нѣкій слѣзши у сего ручья сЪ своей лошади, утолялЪ водою онаго свою жажду, и лишь только онЪ напился и уѣхалЪ, какЪ выбѣжавЪ изЪ стада мальчикЪ, пилЪ на томЪ же мѣстѣ. ОнЪ нашелЪ тамЪ кошелекЪ денегЪ, которой выронилЪ тотЪ проѣзжей, и поднявши его, побѣжалЪ прочь. Послѣ его пришелЪ на то мѣсто старикЪ опираяся обЪ свой посохЪ. ОнЪ напившись сѣлЪ нѣсколько отдохнуть; отяготившаяся его голова опустилась сЪ дрожаніемЪ на траву, когда сонЪ привелЪ вЪ забвеніе старости его время. ВЪ то время при-

скакавъ всадникъ назадъ требовалъ у старика денегъ своихъ съ великою бранью и угрозами.

Старикъ клянется, что ничего онъ не находилъ, и плачучи проситъ своей пощады, но всадникъ ругая его и угрожая весьма разъярился, и уязвилъ на конецъ въ свирѣпости своей бѣднаго сего старика многими ранами, отъ чего и лишился онъ жизни.

Моисей видя сïе, бросился въ смущенïи на землю, но гласъ ему вѣщалъ: теперь долженъ ты быть увѣренъ, что все въ свѣтѣ дѣлается справедливо. Знай, что сей лежащïй въ крови старикъ, убилъ отца того мальчика, которой взялъ потерянныя деньги.

XLVIII. Лизетта.

Лизетта молодая женщина лежала слѣпа въ оспѣ. Довольно извѣстно каковы молодыя женщины, и для того то не смѣлъ Лизеттинъ мужъ отойти отъ ея постели, какъ скучно ему съ нею ни было: ибо какъ женщина ни прекрасна, но когда лежитъ она въ оспѣ, то уже красота ея не прельщаетъ. Бѣдной ея мужъ находясь въ великой горести, принужденъ былъ сидѣть надъ больною своею женою, переправлять часто ея подушки и часто возсылать молитвы о ея выздоровленïи, одна-

кожъ красота ея теперь уже миновалась. Желалъ бы я, чтобъ онъ отъ искренняго сердца объ ней молился.

Бѣдной мужъ! Я не знаю какой подать ему совѣтъ. Можетъ статься поступитъ онъ добросовѣстно и учинитъ то, что и прочїе дѣлали.

Больной его женѣ понадобилась прислужница, и для того приставили къ ней Елеонору, которой Лизеттинъ нравъ болѣе всѣхъ былъ извѣстенъ. Она вступила охотно въ сей чинъ, и знала во всемъ угодить, какъ больной хозяйкѣ, такъ и здоровому хозяину. Она была старательна, услужна, молода и хороша, и слѣдовательно способна дѣлать обоимъ услуги.

Чего не дѣлаютъ для освобожденїя себя отъ жестокой печали и скуки? Мужъ видя Елеонору, говоритъ съ ней взорами, по тому, что инако говорить онъ не смѣетъ, а она на каждой, бросаемой имъ взоръ, ежели не столько, то по крайней мѣрѣ въ половину соотвѣтствовала. Ахъ бѣдная жена! Великое твое счастїе, что не можешь ты видѣть, какъ мужъ твой въ любовныхъ дѣлахъ обращается; я ударюсь объ закладъ, что познакомился онъ прежде съ Елеонорою, и выбралъ ее съ умыслу въ прислужницы. Ежели бы они говорили только взорами, такъ пускай бы оно такъ было,

по они скоро будутъ уже и цѣловаться. Онъ подходитъ къ ней, трeплетъ ее по плечу и пощипываетъ полныя ея щеки, а она съ приличною невѣстѣ стыдливостiю ему сопротивляется, а на конецъ принимаетъ за благо его шушки. Они цѣлуются нѣжно и страстно, но при томъ и гораздо звонко; да какъ же инако сему и быть? Лизетта конечно сiе услышитъ. Она услышала, и спрашиваетъ: отъ чего отдалось такъ громко? Ето сударыня вашъ сожитель! отвѣчала Елеонора; онъ отъ несносной печали щелкнулъ съ горести губами. Ахъ любезной мой супругъ, сказала она, сколь доброе имѣешь ты сердце! Не печалься свѣтъ мой! я вить еще жива.

XLIX. *СКРОМНОСТЬ.*

Ахъ Дорида! сказалъ ей нѣкогда Тиренъ, ежели бы ты была скромна, такъ бы я нѣчто сказалъ тебѣ; я открылся бы какое щастiе, какое несказанное удовольствiе . . . . . Но нѣтъ, не скажу. Какъ? вскричала прекрасная пастушка, ты сомнѣваешся объ моей молчаливости? Открывайся мнѣ смѣло, я божусь тебѣ что никто не узнаетъ.

Ты знаешь, продолжалъ онъ, суровую Сильвiю, которая всегда убѣгала меня съ боязливостiю, какъ часто меня ни видала. Я

теперь только отъ нея пришелъ; но, ахъ, я не смѣю больше говорить. Нѣтъ, Дорида, нѣтъ не льзя мнѣ етаго сказать: я потеряю всю ея благосклонность и мое счастіе, ежели узнаетъ Сильвія, что . . . . . Не принуждай меня, я долженъ содержать мои клятвы.

Такъ она любитъ тебя? спросила Дорида. Конечно! отвѣчалъ Тиренъ, только не сказывай ты никому. Я овладѣлъ совершенно ея сердцемъ, и поцѣловалъ ее теперь въ первой разъ. Тиренъ, сказала она мнѣ, я вручаю вѣчно тебѣ мое сердце; но при томъ прошу тебя чтобъ ты былъ скроменъ, и чтобъ въ сихъ лугахъ кромѣ насъ никто не зналъ, что мы при нѣжныхъ нашихъ поцѣлуяхъ взаимно другъ другу вѣрны и благосклонны. И такъ прошу я тебя Дорида ни кому сего не открывать, въ протчемъ будетъ меня Сильвія убѣгать и ненавидѣть.

Дорида отъ него пошла. Но станетъ ли она молчать? Конечно, скромность всѣмъ красавицамъ свойственна. Положимъ, что скажетъ она по надеждѣ Дамету, такъ чтожъ за диковинка? вить она скажетъ тихонько.

Пастухъ ея, Даметъ, встрѣтивъ ее съ нѣжностію, пожимаетъ ея руку и спрашиваетъ, что Тиренъ, другъ его говорилъ съ нею.

Тебѣ извѣстно Даметъ! что мы обыкновенно разговариваемъ, вить ты знаешь чисто-

сердечнаго Тирена. Ежели бы что было важное, такъ бы я тебѣ сказала. Онъ сказалъ мнѣ . . . . . Да на что тебѣ ето знать? Я обѣщалась ему никому о семъ не сказывать.

Дametъ запечалившись и замолчавъ обнялъ свою красавицу, однакожъ не очень ласково. Пастушка испугавшись, что Даметовъ поцѣлуй не вкусенъ ей показался, сказала, не сердишся ли ты на меня душа моя? Коли тебѣ ето досадно, такъ я скажу: суровая Сильвїя плѣнилася Тиреномъ, и поцѣловала его теперь въ первой разъ въ своей жизни; однакожъ ты пожалуй помолчи.

Даметъ обѣщался ей молчать. Лишь только остался онъ одинъ, то почувствовалъ великую тягость хранить сїю тайну. Онъ начинаетъ пѣть: я ни кому не открою, что Сильвїя любитъ Тирена, и что награждаютъ они любовь свою взаимными поцѣлуями; тебѣ только, безмолвной кустарникъ, будь извѣстно, кого Сильвїя тайно любитъ.

Но ахъ! Сильвїя гуляя въ семъ лѣску, услышала со стыдомъ въ пѣсни сей свою измѣну, и что узнали такъ скоро такую тайну, которую бы, по мнѣнїю ея, одинъ любовникъ ея знать долженъ. Она побѣжавъ, сыскала болтливаго Тирена. Ахъ, Тиренъ, сказала она ему, погубилъ ты самъ себя! Какую сдѣ-

лалъ ты мнѣ жестокую обиду! Могу ли я, нескромной, болѣе любить тебя?

Тиренъ лишившись своей красавицы, пришелъ съ выговоромъ къ Дамету. Я признаюсь, сказалъ Даметъ, что я виноватъ, однако можешь ли ты назвать меня великимъ болтуномъ, когда ты и самъ сего смолчать не могъ?

L. Утенокъ.

Курица вывела на дворъ стадо цыплятъ, въ томъ числѣ былъ и утенокъ, котораго она вмѣстѣ съ ними высидѣла. Она повела ихъ въ садъ, приманивая своимъ клохтаньемъ, а они слыша ея приказанїе, ей слѣдовали, по тому что приказывала она съ ласкою.

Утенокъ переваливаясь съ боку на бокъ, туда же тащился; однакожъ шелъ онъ за ними не далеко. Онъ увидѣвъ въ первой разъ прудъ, поплылъ по немъ и сталъ купаться. Эй малинькой звѣрокъ! Ты плаваешь? Кто тебя научилъ? Кто пустилъ тебя на воду? Ты недавно еще изъ яйца, а умѣешь уже плавать?

Курица поднявши дыбомъ свои перья бѣгаетъ взадъ и впередъ по берегу, и старается вывести дитя свое изъ опасности; безпрестанно она присѣдаетъ, но летѣть не осмѣлится, по тому что куры отъ природы воды боятся. Но бодрости утенка ничто не устрашаетъ,

онъ плавая смѣло по своей стихіи, спрашиваетъ съ веселостію курицу, для чего она такъ жалко кричитъ?

* *
*

Что приводитъ тебя въ ужасъ, то другаго увеселяетъ; иной идетъ съ радостію на сраженіе, а тебя одно только имя войны устрашаетъ. Тотъ разъѣзжаетъ бодро по открытому морю, а ты стоя съ трепетомъ на привязанномъ плоту чаешь быть преставленію свѣта. Не печалься о жизни того, которой входитъ въ опасныя дѣла. Ково произвела природа къ опасности, тому дала она и смѣлость.

LI. *Больная жена.*

Кто можетъ счесть такое множество вредныхъ вещей, кои похищаютъ наше здоровье! Однакожъ должно ихъ знать; ибо чѣмъ больше будетъ намъ извѣстенъ тотъ источникъ, изъ котораго опасность сія и вредъ проистекаютъ, тѣмъ лучше и самое зло отвратить можно.

* *
*

Сульпиція молодая и прекрасная женщина, дражайшая утѣха своего мужа, сидѣвши весело въ гостяхъ, занемогла при возвращеніи домой, и пала полумертва на постелю. Уже и въ горлѣ у ней захрипѣло. Какъ? Не уже ли она

кончается? Развяжите ей поскорѣй снурованье! Но можетъ ли за симъ дѣло остановиться? Десять человѣкъ принялись ее раздѣвать; однакожъ вить не малаго времени надобно, чтобъ снять съ женщины всѣ ея уборы.

Бѣдной ея мужъ утопаетъ въ слезахъ: да какъ ему и не печалиться? вить по смерти его жены не пристойно ему жениться въ томъ же году. Онъ послалъ за лѣкаремъ. Молодой Ескулапій предсталъ тотчасъ въ полномъ своемъ великолѣпіи, и сѣвши подлѣ больной, сдѣлалъ столь ученой видъ, какъ будто знаетъ онъ отъ смерти достовѣрнѣйшее лѣкарство. Щупая пулсъ, переворачиваетъ онъ мысленно листы въ рецептной своей книгѣ, и приказываетъ, для прогнанія болѣзни, подать себѣ чернилицу и перо.

Онъ написалъ, и послали тотчасъ въ аптеку. Между тѣмъ отозвавши мужъ искуснаго сего врача къ сторонѣ спрашиваетъ, что припадокъ сей значитъ? Вы спрашиваете меня, отвѣчалъ лѣкарь, что онъ значитъ? Мнѣ нечего вамъ объ ономъ сказывать; вы знаете и безъ меня, что ежели молодой женщинѣ сдѣлается припадокъ, такъ мужу конечно отъ того радость послѣдуетъ.

Отвѣтъ сей чрезвычайно мужа обрадовалъ. Ночь проходитъ; лѣкарство хотя уже и при-

нято, однако ни мало не пособляетъ. Позвали другаго врача.

Онъ пришелъ. Слава Богу! Теперь узнаемъ уже мы, какою страждетъ она болѣзнїю. Врачъ посмотрѣвъ на нее прилѣжно сказалъ, что разнемогается она къ оспѣ.

Сульпицїя! Прежде сказали, что ты беременна, а теперь говорятъ, что будетъ на тебѣ оспа? Отойдите вы отъ нея врачи, и не давайте ей никакого лѣкарства, по тому что одинъ изъ васъ обманется. Оставьте ее на попеченїе природѣ и теплой постелѣ; положимъ, что хотя она и пуще занеможетъ, однакожъ все не такъ, какъ отъ вашего лѣченїя.

Полно печалиться! Можетъ быть сего дни она выздоровѣетъ. Мужъ отъ нея не отходитъ, и спрашиваетъ всякой часъ стократно, есть ли ей полегче? Ахъ безразсудный мужъ, для чего ты ее спрашиваешь? Развѣ ты не знаешь, что рѣчи ослабить ее могутъ? Вить ты слышишь по рѣчамъ и по томному ея голосу, что болѣзнь ея отъ часу умножается. Вотъ уже она скоро будетъ здорова! Предстоящая смерть избавитъ ее отъ сей муки!

Кто тамъ стучитъ? Конечно лѣкарь; нѣтъ, пришелъ портной и принесъ платье. Сульпицїя открывши глаза, начинаетъ портно-

му въ полслова говорить: къ стати ты пришелъ, можетъ быть сіе платье для кончины моей пригодно; ты видишь, что я умираю. Ежели бы Богъ продлилъ мою жизнь, такъ бы заказала я тебѣ сшить платье изъ такого же штофу, изъ какого сдѣлалъ ты моей пріятельницѣ; етаго штофу нѣтъ во всемъ свѣтѣ лучше. Въ прошедшей разъ, какъ я была у ней въ гостяхъ, видѣла на ней ето новое платье. Но что мнѣ теперь въ немъ? О краткая жизнь! о суета міра сего!

Ободрись печальный супругъ! ты слышишь, что супруга твоя нарочито еще говорить можетъ. Ежели не лишишь ты ее надежды, такъ она довольно будетъ еще имѣть силы.

Лишь только портной вышелъ, то мужъ выбѣжавши за нимъ, нѣчто ему тайно за дверью говорилъ; а портной божился ему тяжкими клятвами и поспѣшалъ исполнить его приказаніе.

Къ вечеру пришелъ онъ назадъ, и страждущая Сульпиція благодарила ему за посѣщеніе съ тяжелымъ дыханіемъ. Онъ принесши нѣчто въ платкѣ, сталъ развязывать. Ктожъ отгадаетъ, что въ немъ было завязано? Ахъ какая рѣдкость! ето штофное богатое платье. Но на что уже ей? вить она надѣть его не можетъ.

Ахъ! душа моя, сказалъ ей мужъ, пожавъ нѣжно ея руку, я отдалъ бы все мое имѣнїе, ежелибы могъ видѣть тебя здоровую въ етомъ уборѣ; а она отвѣчала ему: сколь я нибольна, однакожъ не могу ни въ чемъ, свѣтъ мой, тебѣ отказать. Я сойду какъ нибудь съ постели, и ты теперь же увидишь, пристало ли ко мнѣ ето новое платье.

Подвинули къ ней ширмы, и она встала съ кровати такъ слаба, какъ цѣлой годъ лежала. По томъ стали ее наряжать, и подали ей кофїю. Болѣзнь ея вдругъ исчезла. Причиною хворости ея было только платье, которое ее исцѣлило. И такъ портной вылѣчилъ ее лучше, нежели врачъ.

LII. Добрый Совѣтъ.

Нѣкто молодой человѣкъ желающїй жениться, просилъ у старика совѣта, какую взять ему жену?

Другъ мой, сказалъ ему старикъ, я не знаю, что тебѣ сказать на ето. Какъ бы кто остроумно ни выбиралъ, однакожъ ошибиться можетъ. Ежели хочешь жениться ты для увеселенїя, такъ выбирай красавицу; но ежели находишь ты болѣе нужды въ богатствѣ и нарядахъ, нежели въ любовныхъ препровожденїяхъ, такъ я совѣтую тебѣ стараться искать

богатой; когда же хочешь ты вытти чрезъ жену въ чины, такъ позабудь думать объ красавицахъ, и не разбирая долго, женись на дочери какого нибудь знатнаго; если же желаешь ты выбрать болѣе для увеселенія разума, нежели для наслажденія тѣлесныхъ чувствъ, то выбирай для сего ученую женщину. Старикъ послѣ сего усмѣхнувшись замолчалъ.

Ахъ, сказалъ молодой человѣкъ, я не етаго хочу отъ тебя знать: я спрашиваю, какую взять мнѣ жену, чтобъ могъ я жить съ нею въ спокойствіи, и чтобъ безъ досады . . . . . . О! прервалъ старикъ его рѣчь, такъ лучше не жениться.

LIII. Двѣ дѣвушки.

Двѣ молодыя дѣвушки желали, чего? вытти за мужъ. Сія есть самая большая радость, которыя дѣвушка желать можетъ. Хотя меньшая сестра Филиппина была собою и недурна, хотя она была нѣжна и круглолица, однакожъ имѣла угрюмой видъ. Какъ тонко она ни снуровалась, какія серьги ни надѣвала, какъ грудь свою ни украшала, и сколь волосы ея были ни убраны; но при всемъ томъ, чѣмъ болѣе надлежало бы ей нравиться, тѣмъ казалась она дурнѣе.

Каролина старшая ея сестра, хотя и не имѣла нѣжнаго лица, однакожъ видъ ея былъ веселъ и прелестенъ, также и поступки пріятны и не принужденны. Хотя на румяныхъ ея щекахъ и показывались маленькія веснушки, однакожъ приятности ея не токмо чрезъ то не терялись, но казалося, что красота сама того желала. Она не мучила себя уборами и не украшалася драгоцѣнными вещами. По стану ея сшитое на ней платье, и приколонныя къ статѣ искусносложенная лѣнта и благовонной пучекъ цвѣтовъ придавали ей прекрасной видъ и составляли все ея великолѣпіе.

Пришелъ къ нимъ женихъ, и показали ему Филиппину; онъ увидѣвъ ее удивился, и почелъ ее красавицею, однакожъ сердце его осталось свободно, и онъ хотѣлъ итти прочь; но какъ лишь только увидѣлъ онъ Каролину, то остановился въ изумленіи.

* * *

Подъ видомъ сихъ дѣвицъ представляется искусство и природа; первая хотя и хвалится притворною красотою, однакожъ къ себѣ не привлекаетъ, а только ослѣпляетъ глаза: другая же стараяся понравиться своею простотою, показывается безпритворно, чѣмъ и приводитъ всѣхъ въ удивленіе.

LIV. Живописецъ.

Нѣкто разумной Афинской живописецъ, трудившійся болѣе для полученія денегъ, нежели приобрѣтенія славы, показалъ знающему человѣку образъ Марса, желая узнать его мнѣніе. Знатокъ сказалъ ему безъ пристрастія, что картина сія ему не нравится, и что потребно еще великаго искуства для приведенія ее въ совершенство. Живописецъ противорѣчилъ ему въ семъ столь сильно, что знатокъ со всѣми своими неоспоримыми доказательствами не могъ его переспорить.

Вскорѣ по томъ пришелъ къ нему молодой невѣжа, и увидѣлъ сію картину. О боги, вскричалъ онъ, какой ето мастерской образецъ! Какія ноги! Какъ искусно изображены ногти! Марсъ точно какъ живой стоитъ на сей картинѣ. Съ какимъ искуствомъ и великолѣпіемъ стоитъ онъ въ шишакѣ, какъ держитъ щитъ и какъ пристойно одѣтъ военною збруею!

Тронутой живописецъ стыдомъ, посмотрѣвъ жалостно на знающаго сказалъ: Теперь я точно увѣренъ, что не много сдѣлалъ я хорошаго! Какъ скоро невѣжа ушолъ, то замаралъ онъ своего Марса.

* * *

Когда сочиненія твои не нравятся знатоку, то сіе для тебя худое предзнаменованіе; а когда хвалитъ ихъ дуракъ, то уже время ихъ бросить.

Конецъ первой части.

ОГЛА-

ОГЛАВЛЕНІЕ

БАСНЯМЪ и СКАСКАМЪ.